

ПАТРИЦИЯ МЭТЬЮЗ

Волны любви

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Патриция Мэтьюз

Волны любви

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Мэтьюз П.

Волны любви / П. Мэтьюз — «Издательство АСТ»,
2020 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-149573-2

Красавица Марианна Харпер согласилась стать женой капитана Адама Стрита скорее с отчаяния, чем по зову сердца, ибо в душе девушки еще слишком свежа была память о первой любви, которая завершилась трагедией. Но Адам, полюбивший Марианну с первого взгляда, готов приложить все силы, чтобы излечить ее раненое сердце горячими волнами нежности и страсти...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-149573-2

© Мэтьюз П., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Патриция Мэтьюз Волны любви

Волны вздымаются – падают вниз,
С грохотом бьются о берег скалистый.
Дюны – взгляни – желтые, чистые.
Чайки о тучи колотятся мглистые,
Ветра разносится визг.
Ветром отчаянным небо исхлестано,
Море взирает на небо – не поздно ли?
Время еще ль бушевать?
Пена и брызги сливаются в шторме,
Море бунтует, чернеет – да что ему?
Волны срываются вспять.
Краски небес покрываются серым,
Чаек уносит куда-то на север —
Буря решилась восстать.
Долго молчала частица души,
Ныне – свободна, бунтует и дышит,
С сердцем неистово бьется,
Душу сжигает неистовым пламенем.
Страстью, как жаром, мысли оплавлены —
Страстью, горячей, как солнце.
Буря стихает – чайки резвятся,
Сердце готово уже разорваться,
Разум спокойствия ищет.
Солнце садится. Ясное небо.
Вспышки пылавшей – словно и не было,
*И в сердце – все тише и тише*¹.

---

¹ Пер. Н. Эристави.

Часть первая

1840 год

Аутер-Бэнкс и Бостон

Глава 1

Ветер, подхватив пригоршню холодных соленых брызг, злобно взвыл и швырнул их в Марианну. Съежившись, она втянула голову в плечи, и плотнее закутавшись в свое просторное мужское пальто, поспешно отвернулась, подставив ветру спину.

Руки, хоть и были в карманах, совсем заледенели, а ноги, пусть даже и обутое в тяжелые сапоги, нещадно ломило от холода.

Шторм разразился ближе к вечеру. Ветер, вздымая огромные рваные волны, швырял их на остров Аутер-Бэнкс, словно хотел стереть его с лица земли. Неистово завывая, вихрем несся он по песчаному берегу.

Если уж внутри хижины было плохо – крыша протекала, а жестокий ветер проникал даже сквозь самые крохотные щели, заставляя дрожать от холода, – то снаружи, на объятom бурей побережье находиться и вовсе казалось сущей пыткой. Марианна давным-давно сбежала бы, если бы не страх перед Иезекиилем Троугом и его головорезами.

Со стороны бушующего моря послышался пронзительный звон корабельного колокола, отчаянный и безнадежный.

Марианну на миг охватило острое чувство жалости к этим несчастным, что через несколько минут разобьются о скалы. Обычно она старалась не забивать голову такими мыслями, но иногда это было выше ее сил. Стоило ей закрыть глаза, как она видела гибнущий корабль и слышала ужасные крики тонущих людей. А если даже они и не утонут, их добьют люди Иезекииля Троуга. Они никого не оставляют в живых. Они безжалостнее и страшнее бушующей вокруг бури.

Марианна вздрогнула, представив, что сделал бы Иезекииль Троуг, если б вдруг узнал ее тайные мысли: избил бы ее до полусмерти, а то и хуже. И все равно то, чем они занимаются, просто ужасно. Они погубили столько людей!

Нередко ломала она себе голову над тем, как удастся Иезекиилю Троугу почти безошибочно узнавать, когда именно мимо Аутер-Бэнкс должен пройти корабль. Словно какие-то злые духи нашептывали ему об этом. От такой мысли Марианна задрожала от страха. А что, если эти духи подслушают, о чем она размышляет? Нет, лучше об этом не думать.

Марианна осторожно выглянула из-за скалы, за которой пряталась от пронизывающего ветра. Футах в двухстах к югу по побережью завесу из поднятого бурей песка и морских брызг прорезал мерцающий желтый свет. Это под яростными порывами ветра раскачивался огромный фонарь, наполненный китовым жиром.

Именно этот фонарь команда корабля обычно принимала за маяк и спешила увести свое судно подальше, чтобы не посадить на мель. Если бы они только знали... Но они ничего не подозревали, и корабль на полном ходу врезался в прибрежные скалы, в клочья раздирая свое днище, а пассажиры и груз оказывались в ледяной воде.

И вот тогда наступало время Марианны и остальных жителей острова братья за работу. Все, от мала до велика, высыпали на берег и выуживали из моря драгоценную добычу, ради которой и шли на это злодеяние. Так они зарабатывали себе на жизнь. Они были грабителями разбитых морских судов или, проще говоря, мародерами.

Внезапно звон корабельного колокола раздался совсем рядом. Этот отчаянный призыв к помощи не смогло заглушить даже зловещее завывание бури. Марианне на секунду показалось, что она слышит последний предсмертный крик корабля: похожий на треск мачты и громкий, как выстрел, звук раздираемой о камни металлической обшивки.

В тот же миг по всему берегу раздалась выстрелы – это Троуг приказывает братья за работу. Пора!

Отгнав все ненужные мысли в сторону, помня лишь о том, что ей предстоит сделать, Марианна вытащила руки из карманов и, шаркая, побрела к кромке воды, напряженно всматриваясь в темноту, чтобы не пропустить ни одного ящика, ни одного бочонка, ни одного сундука, которые могло выбросить на берег.

Есть! Огромная волна, увенчанная белоснежным гребнем, вынесла к берегу кругленький бочонок.

Марианна ловко зацепила его своим багром и, подтянув к себе, вытащила на сушу и откатила подальше, чтобы волны не утащили драгоценную добычу обратно в море. Выпрямившись, Марианна окинула взглядом берег: то тут, то там копошились люди, в темноте похожие на призраки. Команда Троуга была занята привычным делом.

Закончив возиться с бочонком, Марианна тихонько вздохнула. Когда ее товарищи вытаскивают на берег все, что можно, и разойдутся по домам, для нее начнется самое страшное.

После кораблекрушений Джуд Троуг бывал особенно ненасытен. Он непременно захочет ее, наплевав на то, что она устала и продрогла до костей. Он берет ее почти каждую ночь, но после кораблекрушений почему-то возбуждается до такой степени – Марианна не могла понять почему, – что насиует ее три, а то и четыре раза за ночь, сжимая с такой силой, что на теле остаются синяки, и Марианне всякий раз кажется, что он ее сейчас раздавит.

Марианна часто жалела, что нельзя на всю жизнь остаться ребенком. Насколько проще ей тогда жилось! Знай себе делай то, что велют, и не болтай лишнего, вот и все.

Но в прошлом году ей исполнилось четырнадцать, и тело ее начало меняться. Налилась грудь, на тех местах, что совсем недавно были голыми и гладкими, появились темные волосы, прежде плоская попка округлилась.

Когда это произошло, мужчины начали с интересом поглядывать на Марианну. Их отношение к ней в корне изменилось. Они больше не называли ее малявкой и не гнали прочь. Наоборот, при виде ее глаза у них делались сальными, а если Марианна проходила рядом, они больно щипали ее. Как же ненавидела она эти щипки!

И вот, когда ей исполнилось пятнадцать, Джуд, сын Иезекииля Троуга, второй после отца человек в поселке, выбрал ее для себя. В день рождения Марианны мать, не особо стесняясь в выражениях, сообщила дочери, что она теперь будет женщиной Джуда.

Марианна не просто испугалась – ее чуть не вырвало от отвращения. Джуд был старым – никак не меньше тридцати, – огромным, грязным, волосатым детиной, с языка которого то и дело срывалась грязная брань. Кроме того, вот уже несколько лет у него была одна и та же женщина, рыжая Дженни, о чем Марианна не преминула напомнить матери.

Та лишь ухмыльнулась и презрительно проговорила:

– Дженни ему надоела. Джуд мне сам об этом сказал. Он хочет тебя, моя девочка. Ты об этом не пожалеешь, ведь он сын нашего вожака. Он сильный, и когда Иезекииль умрет, Джуд займет его место. А ты станешь женщиной вожака.

Губы матери растянулись в мерзкой улыбке, и Марианна поняла, что все уже давно решено.

Так оно и оказалось. Ее отдали Джуду Троугу, и он жестоко изнасиловал ее в хижине, где она жила вместе с матерью, в то время как остальные пили и веселились за перегородкой. Марианне было очень больно и противно. И она никак не могла понять, почему рыжая Дженни

горько плакала и смотрела на Марианну так, словно хотела выцарапать ей глаза. По мнению Марианны, она, наоборот, должна была радоваться, что ее больше не мучают так каждую ночь.

Позже Марианна попыталась поговорить с Дженни, но та и слушать ее не стала: вlepила пощечину и ушла прочь. Старуха Мэри объяснила ей потом, что Дженни просто ревнует и бесится из-за того, что Джуд вышвырнул ее, взяв себе другую женщину.

Марианна тогда ничего не поняла, да и сейчас не понимает. Если бы Джуд бросил ее, она была бы просто счастлива. Конечно, она и до этого знала, чем занимаются мужчина и женщина, оставаясь наедине: не раз заставляла за этим мать, да и других жителей поселка, – но как-то не представляла, что и ей когда-то придется это делать. Однако пришлось, и очень скоро. И это оказалось просто ужасно! Марианна была маленькой и хрупкой, и Джуд по сравнению с ней казался просто великаном. Особенно огромной была та часть его тела, о которой Марианна со временем стала думать не иначе, как о его оружии, поскольку пользовался он им как тараном, когда со всей силы втыкал его в ее нежное тело...

Марианна подцепила багром маленький сундук, который только что услужливо выбросили на берег волны, и, тяжело вздыхая, оттащила его подальше, с горечью думая о том, что сегодня ее ждет очередная жестокая пытка.

Ветер стихал. Правда, время от времени он еще делал попытки сокрушить стены дома, однако с каждым разом они становились все слабее и слабее. Дождь прекратился.

В главном зале дома Троугов полыхал камин. Тепло от него разливалось по всей комнате, согревая сидевших вокруг промерзших до костей людей. Запах в зале был отвратительным, но Марианна уже давно притерпелась к нему. Как и остальные, она проглотила причитавшуюся ей порцию рома и принялась тихонько молиться про себя, чтобы Джуд сегодня напился до полусмерти и не смог бы надругаться над ней.

Остальные громко хохотали, кто-то затянул непристойную моряцкую песню, где-то уже назревала ссора. Все орали, стараясь перекричать друг друга.

Марианна сидела тихонько, как мышка, надеясь, что ее не заметят и оставят в покое. Она смертельно устала и никак не могла согреться, несмотря на то что в комнате уже становилось душно.

Стиснутая с двух сторон – с одной старухой Мэри, а с другой матерью, от которых мерзко воняло, – Марианна сжалась к комочек. Может, Господь внемлет ее молитвам, и Джуд ее не заметит.

Ром уже ударил Джуду в голову: он громче, чем обычно, разговаривал со своим отцом.

Как же они похожи, Иезекииль и Джуд Троуги, подумала Марианна. Никогда не скажешь, что это отец и сын: кажется, что они братья. Иезекииль, как и его сын, был очень высоким и сильным, с мощной грудью и огромными жилистыми руками. Иссиня-черные волосы еще не тронула седина, хотя ему уже было далеко за пятьдесят, а глаза, в отличие от его сына, светились яростным огнем. Чувствовалось, что от этого человека лучше держаться подальше.

Марианна боялась и ненавидела Иезекииля Троуга. Свою банду мародеров он держал в ежовых рукавицах, забирая все самое ценное из награбленного для себя и сына и запугивая остальных. Зная его силу и страшные вспышки ярости, никто не осмеливался ему перечить.

Но вместе с тем Иезекииль Троуг сумел отлично поставить дело и не забывал напоминать всем об этом. Он был умен, этот Иезекииль Троуг, и всегда изыскивал новые способы, как посадить корабль на мель и как потом легче разграбить его.

И поэтому мужчины, хотя и ворчали на него порой себе под нос, все равно делали то, что он приказывал. По сравнению с жителями других островов они просто процветали и обязаны этим были только ему, своему вожаку, а что он обворовывает их – так с этим ничего не поделаешь.

От рома по телу разлилось блаженное тепло, да и жар от камина начал наконец оказывать на нее свое благотворное действие, и мало-помалу Марианна задремала. Внезапно она почув-

ствовала, как кто-то схватил ее за руку. Еще не успев до конца проснуться, она очутилась в тисках сильных мускулистых рук.

Она открыла глаза: перед ней маячило пьяное, похотливо ухмыляющееся лицо Джуда. Марианна снова закрыла глаза и вздохнула. Джуд расхохотался и подхватил ее на руки.

– Ну, спокойной ночи, братва. Хотел было с вами еще остаться, ан нет, ничего не выйдет. Сами знаете, как бывает, когда у мужика новая баба! Чем больше она дает, тем больше хочется!

Раздался оглушительный взрыв хохота. Ухмыляясь, Джуд пошел со своей ношей к двери.

Марианна чуть приоткрыла глаза и, наткнувшись на ненавидящий взгляд Дженни, поспешно отвернулась, но встретила глазами с Иезекииелем Троугом. Его странные серо-зеленые глаза, казалось, светились, как у кота.

Марианну передернуло. Он смотрел на нее точно так же, как Джуд, и это потрясло ее до глубины души. В их банде сильнейший всегда брал себе то, что хотел, а Иезекииль Троуг был среди мародеров самым сильным мужчиной. Однако Джуд был его сыном, а если Иезекииль Троуг и испытывал к кому-то слабость, то только к нему. Не станет же он отнимать женщину у собственного сына!

Однако ухмылка Иезекииля не шла у Марианны из головы, пока Джуд нес ее в маленькую комнату, где стояла их убогая кровать с соломенным тюфяком.

Небрежно швырнув на нее Марианну, он рухнул рядом и, схватив ее за руку, рывком притянул к себе.

Марианна вздрогнула от отвращения, когда его грубые жадные пальцы принялись нетерпеливо расстегивать на ней платье, обнажая грудь.

В комнате было холодно и сыро, и Марианну пробрала дрожь. Она была готова замерзнуть насмерть, только бы Джуд ее не трогал.

Она лежала неподвижно, не в силах сопротивляться грубому натиску, а Джуд между тем задрал ей юбку, расстегнул свои штаны и вытащил огромный член.

Марианна сглотнула и закрыла глаза. У нее не было никакого желания смотреть на эту мерзкую часть тела, способную причинять лишь боль. Она отлично понимала, что мужчины получают удовольствие от совершаемых ими действий, если, конечно, нечленораздельные выкрики и стоны можно назвать удовольствием. А вот чего никак не могла понять, как это могло некоторым женщинам нравиться.

Вот, например, Дженни. Марианне казалось, что та просто счастлива будет отдохнуть от грубых издевательств Джуда Троуга. Ан нет! Как только Троуг ее бросил, Дженни тут же перешла в руки Бена Томаса: широкоплечего раздражительного детины. Для Марианны это было непостижимо.

Джуд, сладострастно мыча и постанывая, принялся толкать свой набухший член в Марианну, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Она изо всех сил закусила губу и вцепилась в матрац, чтобы не закричать от боли, пока Джуд, пыхтя и сопя, как огромный, выброшенный на берег кит, разрывал ее маленькое хрупкое тело.

К счастью, все это продолжалось недолго: вскоре он, вскрикнув, содрогнулся всем телом и без сил повалился на Марианну, больно придавив ее.

Через секунду он уже храпел, и Марианна облегченно вздохнула – значит, сегодня повтора не будет. Она по опыту знала, что теперь Джуд проснется поздно утром.

Она с трудом выбралась из-под его обмякшего тела – казалось, что весит он никак не меньше тонны, – и, отодвинувшись на самый краешек кровати, последовала примеру Джуда и погрузилась в сон: единственное место, где она могла скрыться ото всех.

Когда Марианна открыла глаза, уже рассвело. Сквозь маленькое оконце, расположенное почти под самым потолком, проникал бледный, слабый свет – значит, шторм сменился туманом.

Джуд лежал рядом и, разинув рот, оглушительно храпел. От него отвратительно воняло спермой, ромом и потом.

Марианна брезгливо поморщилась и, сбросив одеяло, соскочила с кровати на старенький ковер. В комнате было ужасно холодно, и, задрожав всем телом, она поспешно натянула одежду и сняла с крючка на стене свое тяжелое пальто. За ночь оно впитало влажный воздух и сначала показалось мокрым, хоть выжимай, но мало-помалу ей удалось согреться. Снять на ночь толстые шерстяные чулки, она не потрудилась, так что теперь оставалось лишь сунуть ноги в стоявшие у кровати тяжеленные сапоги.

Итак, с одеванием покончено, и теперь Марианна готова была встретить новый день.

На стене висело треснувшее зеркало, и, взявшись за дверную ручку, она мельком взглянула на свое отражение: темная грива вьющихся непокорных волос, смуглая кожа, потемневшее от загара лицо. Мать не раз говорила Марианне, что она хорошенькая, однако самой ей нравились у себя только глаза. «Цыганские», как бросил когда-то Иезекииль Троуг, и слова эти прозвучали в его устах оскорблением.

Однако сама Марианна считала, что глаза у нее красивые: огромные, черные, с длинными загнутыми вверх ресницами и четко очерченными бровями. Но вот хорошенькая она или нет, девушка не знала. Впрочем, какое это имеет значение? Женщины здесь отцветали очень быстро. Жгучее летнее солнце, яростные морские ветры, сырые туманы и холодные ночи смывали женскую красоту, подобно морским волнам, набегавшим на прибрежный песок. На островах требовалась сила и выносливость, чтобы выжить. Все остальное было неважно.

Отвернувшись от зеркала, Марианна открыла дверь и тихонько прошла в соседнюю комнату. Ее встретил дружный храп десятков голосов. Большинство из участников вчерашней пирушки лежали там, где их застал сон. Отведя взгляд, Марианна выскользнула из хижины и, осторожно закрыв за собой дверь, с наслаждением вдохнула свежий воздух, влажный и холодный, остро пахнувший морем.

В животе заурчало, и Марианна вспомнила о маленьком бочонке, который припрятала прошлой ночью. Как знать, а вдруг там что-нибудь съедобное?

Иезекииль Троуг приходил в ярость, когда члены его банды присваивали себе что-то из награбленного добра, и жестоко избивал за это, однако, если выпадал случай что-то утаить, его никогда не упускали, невзирая на угрозу наказания.

Мужчинам, особенно тем, кто выходил в море на лодках, всегда доставался самый ценный груз, и они прятали все, что могли спрятать. Да и женщины и дети при любой возможности старались припрятать в укромном уголке бочонок или ящик, когда им казалось, что никто их не видит.

В маленьком бочонке, который Марианна закопала в песке, оказались даже сухари, а сладкое печенье, очевидно, предназначавшееся для капитанского стола. Оглядевшись, девушка принялась горстями запихивать в рот непривычное лакомство. Вскоре живот у нее раздулся, и она ужасно захотела пить.

Тогда Марианна перепрятала бочонок и вернулась в дом, чтобы утолить жажду. К счастью, все еще крепко спали. Отлично! Значит, можно побродить по берегу и посмотреть, что еще услужливо выбросило море, после того как люди разошлись по своим хижинам.

Чувствуя, как охотничий азарт переполняет ее, Марианна кинулась к мирно плещущему морю – совершенно непохожему на бурное вчерашнее, – все еще сокрытому пеленой густого тумана. У воды туман немного рассеялся, но она с раздражением поняла, что нечего и думать о том, чтобы найти на берегу хоть что-то, если только она обо что-нибудь не споткнется.

Она пошла вдоль берега и вскоре набрела на точно такой же маленький бочонок, какой обнаружила прошлой ночью, потом на большой ящик, который сама она, как ни старалась, не смогла сдвинуть с места, и красивый розовый флакон, плотно заткнутый пробкой и, к счастью, абсолютно целый.

Марианна повертела прелестную вещицу в руках. Даже в тумане можно было различить, как играют и переливаются его грани. Ей никогда еще не доводилось не то что иметь, но даже видеть подобное чудо.

Пугливо озираясь по сторонам – хотя вряд ли кто-нибудь заметил ее в таком тумане, – она сунула флакон во внутренний карман пальто. Теперь нужно спешить: скоро проснутся остальные, – а ей еще хочется немного походить по берегу – вдруг удастся найти еще что-нибудь хорошенькое. Или лучше сходить домой, взять лом и попробовать открыть тот ящик? Так хочется посмотреть, что там внутри! Как-то море выбросило на берег сундук с одеждой и украшениями, так местные женщины за них чуть не передрались, но потом все-таки помирились и разделили все поровну.

Марианна тогда была еще слишком мала, и ей, конечно, ничего не досталось, но она до сих пор не может забыть платье из ярко-синего бархата, прекраснее летнего неба и мягче птичьего пуха.

Поглаживая свою драгоценную добычу, Марианна двинулась дальше вдоль берега, продираясь сквозь густой туман. Внезапно она обо что-то споткнулась и чуть не свалилась на мокрый песок.

Чертыхнувшись про себя, она взглянула вниз. Под ногами у нее лежал какой-то длинный и темный предмет, весь опутанный водорослями.

Нагнувшись, Марианна чуть не закричала. То, что она приняла за тук, оказалось человеком. Мужчиной. Сквозь зеленые водоросли проглядывало его бледное лицо.

В этот миг туман немного рассеялся, и лицо мужчины стало видно более отчетливо. Да и не мужчина это вовсе, решила Марианна, а юноша, примерно одного с ней возраста, и красивый, как девушка.

Она была так потрясена, что никак не могла отвести от него взгляда. Какой же он юный и прекрасный! Какая жалость, что он погиб! Утонул он во время кораблекрушения, или его добил Иезекииль Труг, или кто-нибудь еще из его банды? Конечно, сейчас это уже неважно, но Марианне почему-то приятнее было бы, если бы юноша просто утонул. Такая смерть казалась ей более достойной.

И все-таки как жаль, что он умер! Интересно было бы взглянуть, какого цвета у него глаза...

Юноша вдруг пошевелился, чуть приподнял голову, веки у него дрогнули.

Сердце Марианны на секунду замерло, а потом бешено заколотилось от страха и волнения. Самые разнообразные чувства обуревали ее: и восторг, что этот красивый юноша не умер, и страх, что он остался жив. Тругу вряд ли понравится, что кто-то уцелел после кораблекрушения, и он быстро исправит это упущение.

Марианна совсем растерялась. Что ей делать? Может, оставить его здесь? Сделать вид, что ничего не произошло? Внезапно юноша застонал, и она забыла обо всем на свете.

Опустившись на колени, она смахнула с его лица водоросли и, обхватив за плечи, чуть приподняла молодого человека. Веки незнакомца задрожали и открылись, явив взору Марианны самые синие глаза, какие она когда-либо видела, синее того бархатного платья, что ей запомнилось. Юноша с недоумением посмотрел на девушку, а потом открыл рот, словно хотел что-то сказать.

Марианна не могла отвести от него глаз. Какие же у него красивые губы! В жизни таких не видела.

Взгляд юноши становился все более удивленным, и она заговорила первой, горя желанием утешить его, как малого ребенка, подбирая самые ласковые слова, какие только могла.

– Ну-ну, успокойся, будь умницей. Все будет хорошо. Ты жив, а это самое главное. Скоро поправишься, вот увидишь.

Юноша с трудом сглотнул и, сморщившись от боли, еле выдавил:

– Где...

Марианна быстро оглянулась, не видит ли их кто-нибудь. Слава богу, все спокойно, на побережье, кроме них, пока никого нет. Снова повернувшись к юноше, она прошептала:

– Твой корабль потерпел кораблекрушение. Тебя выбросило на берег Аутер-Бэнкс.

Юноша встревоженно смотрел на нее. Взгляд его выражал полнейшее смятение.

– Аутер-Бэнкс?

– Шшш... Да. Неподалеку от Каролины.

Юноша закрыл глаза. Гримаса боли исказила его лицо, и Марианна обеспокоенно смахнула со лба влажные волосы. Лоб был гладким и необыкновенно холодным. Марианна сразу встревожилась. Он же совсем замерз! Если его быстро не согреть, он может умереть – об этом она знала не понаслышке. Здесь многие так умирали.

Но что же ей с ним делать? Может, все-таки рассказать о нем Джуду или его отцу? При мысли об этом Марианна вздрогнула от ужаса. Она знала, что за этим последует: юношу исколотят дубинкой, и это красивое лицо превратится в кровавую маску, а потом сбросят со скал. Нет, этого допустить нельзя, и она сделает все, что в ее силах, чтобы спасти прекрасного незнакомца. Значит, нужно его спрятать. Но куда? На этом пустынном берегу, где всюду гуляет промозглый ветер, таких мест нет – во всяком случае, она о них не знает. В поселок его тащить нельзя, там все друг друга знают. Его сразу же выдадут Иезекиилю. Что же делать? Неужели она ничем не сможет помочь бедному юноше?

И тут Марианна вспомнила о хижине старого Джека. Располагалась она в маленькой бухточке в стороне от поселка. Поскольку старый Джек был сварливого нрава и ни с кем не мог ужиться, он жил отшельником. На прошлой неделе старик умер. Конечно, он мог бы еще пожить, если бы не чересчур увлекался ромом. А хижина так и осталась незанятой, поскольку никто не хотел жить на отшибе. Она отведет незнакомца туда, а потом видно будет. Марианна понимала, что страшно рискует, но что-то – она сама не знала что – толкало ее на этот риск. Она вдруг почувствовала, что этот юноша ей дороже всех на свете.

– Идти сможешь? – спросила Марианна.

Юноша снова открыл глаза: какие же у него густые ресницы, почти как у нее самой! – и с трудом сглотнул.

– Не знаю. – Голос у него был хриплым и дрожал. – Попытаюсь.

Однако никакой попытки он не сделал, а продолжал с любопытством смотреть на незнакомку. Лицо его при этом приняло какое-то странное выражение, и смотрел он так долго, что девушка даже смутилась и резко бросила:

– Пошли. Нечего рассиживаться!

Легкая улыбка тронула лицо юноши, осветив его каким-то новым светом, отчего он стал так красив, что у Марианны перехватило дыхание.

– Какая ты красивая! – восхищенно прошептал юноша. – Такая красивая! Как морская царевна.

Не ожидавшая подобного признания, Марианна вспыхнула от смущения.

– Пошли, – повторила она. – Сейчас не время для этой чепухи. Нужно убираться отсюда, если хочешь остаться в живых.

Юноша нахмурился.

– Что ты имеешь в виду? Ничего не понимаю.

– Потом объясню, а сейчас нужно идти. А пока верь мне на слово и делай, что я тебе говорю.

Юноша кивнул и, сделав над собой усилие, сел.

– Вот молодец, – обрадовалась Марианна и подхватила его под мышки. – А теперь вставай на ноги.

На это потребовалось чуть больше времени, однако вскоре юноша уже стоял, опираясь на нее, чтобы не упасть, и хотя он очень нетвердо держался на ногах, она решила, что сможет довести его до хижины старого Джека.

Медленно двинулись они в путь. Юноша, по-видимому, так ослабел, что его шатало из стороны в сторону, и Марианне казалось, что она ведет пьяницу.

Туман по-прежнему закрывал все вокруг густой пеленой, на два шага вперед ничего не было видно. Внезапно с той стороны, где располагались хижины, раздались громкие голоса. Значит, люди уже встали и скоро выйдут на берег в поисках добычи.

Марианне казалось, что они идут целую вечность. Он совсем повис на ней, и чем ближе они подходили к хижине, тем тяжелее было вести его. Однако, несмотря на внешнюю хрупкость, она была крепкой и сильной. Напрягая последние силы, она смогла дотащить юношу, хотя он был намного выше и тяжелее ее, до хижины – ветхой постройки, внутри которой гулял холодный ветер, – и уложила на кровать, где еще совсем недавно спал старый Джек.

Ни подушки, ни одеяла здесь не было и в помине – немногочисленные пожитки старого Джека сразу же растащили. Марианна сняла свое тяжелое мужское пальто и укрыла им незнакомца, подоткнув со всех сторон.

Лицо его было белым как мел, а веки казались прозрачными и какого-то голубоватого оттенка.

– Как ты себя чувствуешь?

– Н...не знаю, – стуча зубами, выговорил юноша. – Ужасно холодно. – Он вздрогнул. – Одежда вся насквозь промокла...

Ну конечно! Ее нужно немедленно снять. Как же она забыла?

Марианна отбросила пальто в сторону и принялась стаскивать с юноши одежду, облепившую его стройное тело. Какая дорогая у него одежда! Жилет из бархата, рубашка – льняная. Она осторожно снимала одну вещь за другой, чувствуя непонятное смущение, хотя откуда оно взялось, не понимала: вид обнаженного мужского тела уже давно не был для нее в диковинку. Жили они коммуной, спали все вместе, вповалку. Так что задолго до того, как Джуд впервые изнасиловал ее, Марианна знала, как выглядит мужская плоть. Но этот молодой человек разительно отличался от всех знакомых ей мужчин. Может быть, именно поэтому, раздевая его, она испытывала такую неловкость.

Плечи у незнакомца оказались широкие и сильные. Стянув ему через голову рубашку, Марианна увидела, что грудь у юноши гладкая, как у девушки, без единого волоска. Она осторожно коснулась рукой его кожи. Какая же она нежная и какая холодная... Просто чудо, что в этом насквозь промерзшем теле еще теплится жизнь. Марианна снова поспешно набросила на юношу пальто, а потом принялась стаскивать с незнакомца брюки.

Они тоже, как и рубашка с жилетом, отличались изысканностью: были сшиты из великолепного сукна и сидели как влитые. Сторая от любопытства, она расстегнула пояс и осторожно потянула брюки вниз. Интересно, а интимное место у юноши тоже будет не такое, как у других мужчин? Ведь он совершенно непохож на всех, кого она знает. А вдруг оно, как у Джуда, противное и мерзкое?

К ее удивлению, под брюками у незнакомца оказались полотняные кальсоны. Внезапно что-то со стуком упало на пол. Кожаный кошелек. Марианна развязала его и заглянула внутрь. Золотые монеты! Вот это да! Видел бы их Джуд или его отец! Марианна поспешно завязала кошелек и сунула обратно в карман брюк.

И вот уже кальсоны лежат на полу вместе с остальной одеждой, и ее взору предстала нижняя часть туловища незнакомца, бледная и безжизненная. Она понимала, что ей следует прикрыть юношу, однако все никак не могла отвести глаз от его бедер – они оказались более мускулистыми, чем она предполагала, – и стройных ног с хорошо развитыми икрами. Ноги, как и остальные части тела юноши, были гладкими, совсем без волос. Лишь внизу живота курча-

вились золотистые волоски, а под ними ей увидела пенис, маленький, бледный, весь съезжившийся от холода. Он показался ей безобидным, совершенно непохожим на член Джуда, темный, воинственно торчащий.

Успокоенная, она опять накрыла юношу своим пальто, тщательно подоткнув со всех сторон.

Неожиданно он поднял голову и пробормотал:

– Как холодно! Просто ужас... Никак не могу согреться. – Его посиневшие губы шевелились с трудом. – Как ты думаешь, я умру?

Голос его прозвучал спокойно, однако Марианна почувствовала, как в горле у нее застрял комок, и поняла, что сейчас расплечется. Одного пальто мало, решила она. Оно холодное и сырое, оно его не согреет. Нужно придумать что-то другое. Но что?

И внезапно Марианну осенило: нужно самой его согреть. Она не раз видела, как это делается.

Не колеблясь ни секунды, она опустилась на кровать рядом с юношей и, прильнув к нему, накрылась сама и накрыла его своим толстым пальто.

Юноша застонал, повернулся к ней лицом и инстинктивно прижался еще теснее, пытаясь согреться. Марианна обняла его, ощутив под руками холодную гладкую спину. Незнакомец был холоден как лед. Теплым осталось лишь легкое дыхание, щекотавшее волоски на ее шее.

Девушка замерла в неудобной позе, прижимая к себе юношу как можно крепче, чувствуя, что и сама она ужасно замерзла. Она задрожала и еще крепче прижала к себе незнакомца. Наконец, медленно-медленно тепло ее тела начало передаваться юноше. Словно океанское течение, выплывало оно из ее тела и втекало в его тело. Мало-помалу оно оживало под ее руками, становилось все теплее и теплее. Дыхание юноши сделалось более ровным, и Марианна поняла, что он спит. Долго лежала она, прижавшись к незнакомцу, испытывая чувство, которое ей никогда прежде не доводилось испытывать, – нежность.

Глава 2

Марианна проснулась внезапно, словно от толчка, и с минуту никак не могла сообразить, где находится.

Ей было тепло и уютно. Она крепко кого-то обнимала. Только вот знать бы кого. С кем это она лежит рядом? Одно ясно – это точно не Джуд. Какой-то незнакомый мужчина. Боже, кто это может быть? Сердце ее тревожно забилося. И вдруг Марианна все вспомнила и облегченно вздохнула. И как же она могла забыть, что спасла незнакомца!

Снаружи доносились громкие голоса. Люди шли по берегу, оживленно переговариваясь и время от времени окликая друг друга. Значит, команда Иезекииля Троуга уже встала и принялась за работу. Должно быть, сегодня будет богатый улов.

Марианна осторожно высвободила руки и села на кровати, задумчиво глядя на незнакомца. Удивительно: от него не воняет, как ото всех знакомых ей мужчин. От юноши исходил свежий, чистый запах. Так обычно пахнет море.

Похоже, он согрелся и теперь спокойно спит. Хорошо бы он не проснулся, пока она сходит в поселок добыть ему какую-нибудь одежду и еду. Еще надо набрать чистой воды и попытаться раздобыть вина. Да, придется потрудиться над этим. Действовать надо очень осторожно, чтобы никто ни о чем не догадался. Страшно подумать, что с ней сделают, если их найдут. Но, несмотря на это, Марианна ни о чем не жалела. Красивее этого юноши она никого в своей жизни не видела и была очень рада, что спасла его. И хотя она не смогла бы точно сказать, какие чувства к нему испытывает, одно знала твердо: то, что юноша просто существует на белом свете, уже большое счастье, и терять его она не намерена.

Не успела Марианна встать с кровати, как юноша тихонько вздохнул и, открыв глаза, сонным голосом проговорил:

– Не уходи. Прошу, не бросай меня.

– Шшш, – прошептала Марианна. – Я должна идти. Нужно раздобыть тебе какую-нибудь одежду и еду.

Юноша нахмурился.

– У меня есть одежда.

Марианна покачала головой:

– Свою тебе надевать нельзя. Они тут же увидят, что ты не местный.

– Кто это «они»? – озадаченно спросил юноша.

– Иезекииль Троуг, его сын Джуд, да и все остальные тоже.

– Ничего не понимаю...

– Все очень просто, – со вздохом проговорила Марианна. – Они непременно убьют тебя, если узнают, что ты с того корабля, что потерпел кораблекрушение.

– Почему они захотят убить человека лишь за то, что он остался в живых? Что такого я им сделал?

– Черт тебя подери! Ты что, совсем ничего не соображаешь? – воскликнула Марианна и снова перешла на шепот: – Мы морские мародеры. Троуг и его банда подстраивают кораблекрушения. И если после кто-то остается в живых, они его убивают. Теперь понял?

Лицо юноши покрылось мертвенной белизной, хотя, похоже, он все же не до конца ей поверил.

– Ты спасла мне жизнь, так что ничего другого не остается, как принять твои слова на веру. И все-таки то, что ты сказала, чудовищно! Никак не могу в это поверить.

– Придется. Стоило мне так с тобой возиться, чтобы потом тебя забили дубинками до смерти и сбросили со скалы!

Юноша побледнел еще больше и бессильно опустился на кровать. Марианне стало его жаль, но утешить его она никак не могла. К тому же нужно было возвращаться в поселок, и как можно быстрее, пока Джуд ее не хватился.

– Послушай... – Марианна старалась говорить как можно более строгим голосом. – Ты должен делать то, что я тебе скажу. Оставайся здесь и сиди тихо-тихо. Из хижины выходить не смей. Если услышишь снаружи какой-нибудь шум, прячься в этот шкаф.

Она указала на стоявшее у стены убогое деревянное сооружение и добавила:

– Я постараюсь вернуться как можно скорее, но могу и задержаться. Нельзя, чтобы они что-то заподозрили, понимаешь?

Юноша чуть заметно кивнул, не сводя с девушки недоумевающего взгляда. Она же чувствовала себя так, словно старая, умудренная опытом женщина, а он маленький несмышлениш, которого еще учить и учить уму-разуму. Марианна наклонилась и укрыла его до подбородка пальто.

– Вот так. А теперь отдыхай и помни, что я сказала. Я скоро вернусь, не успеешь и глазом моргнуть.

Юноша улыбнулся и закрыл глаза, а Марианна вышла на цыпочках из хижины, чувствуя, как внутри разливается странное тепло, и не ведая, отчего это происходит.

В хижине, где она жила Марианна с Джудом, никого не было, и, похоже, во всех остальных тоже.

Со стороны моря доносились громкие голоса и радостные возгласы, из чего Марианна сделала вывод, что добычи сегодня больше, чем обычно, и облегченно вздохнула. Значит, времени на то, чтобы собрать для юноши необходимые вещи и еду, у нее с избытком, но на берегу все-таки придется показаться, а то как бы Джуду не пришлось в голову отправиться на ее поиски.

Марианна расстелила два стареньких одеяла, положила на них немного хлеба и сыра, поставила кувшин со свежей водой и бутылку вина, все аккуратно завернула и принялась за поиски одежды, которая могла бы быть в пору ее молодому человеку. Именно «ее», потому что она уже начала считать его своим. В конце концов так оно и есть, ведь это она, а не кто-то иной, нашла юношу.

О том, чтобы взять одежду Джуда, не могло быть и речи: слишком велика. Марианна стала перебирать в уме, кто из мужчин, живущих на острове, примерно одного роста с юношей, и наконец вспомнила про Лютера Мартина, двадцатилетнего сына Нэн Мартин, паренька невысокого и стройного. Но как же ей исхитриться раздобыть его одежду?

Выйдя из дома, Марианна сунула узелок с провизией под крыльцо и, убедившись, что припасы спрятаны надежно, направилась к хижине Мартина, располагавшейся неподалеку.

Она надеялась, что Нэн и Лютер на берегу вместе со всеми, но, к сожалению, хозяйка оказалась дома. Старуха удивленно уставилась на гостью, а на ее вопросы ответила, что захворала.

– И потом, – добавила она, – стара я стала. Все так и норовят отпихнуть меня в сторону и прикарманить мою добычу. Так что ходи на берег, не ходи, все одно останешься с носом. Уж лучше я посижу дома. Глядишь, и голова пройдет, а то разболелась не на шутку.

– Может, ты и права, – проговорила Марианна, с трудом изобразив сочувственную улыбку и украдкой оглядывая крошечную хижину, намного меньше той, что занимали они с Джудом.

На полу рядом с допотопным очагом валялись брюки, а на лавке у двери – толстая шерстяная фуфайка. Как раз то, что нужно!

– Хотя жалко, что тебе не достанется ничего из того большого ящика, который сейчас как раз вскрывают, – добавила Марианна.

Нэн вскинула голову, и ее тусклые глазки заблестели.

– А ты не знаешь, что в нем?

Марианна улыбнулась.

– Да говорят, чего там только нет! Солонина и всякие другие вкусности.

Старуха потянулась к изодранной шали, висевшей на гвозде у окна.

– Ну ладно, так и быть, пойду поброжу немного по берегу. Кусочек солонины нам с сыном не помешает. Все какое-то разнообразие, а то рыба да рыба.

И она поспешила прочь, горя таким желанием добраться до берега до того, как мифический ящик будет открыт, а содержимое его распределено между головорезами, что и думать забыла о Марианне.

– Иди, иди, Нэн, – бросила она вдогонку, глядя, как старуха ковыляет по тропинке к морю. – Да смотри в оба, а не то опять останешься без добычи.

Улыбаясь, Марианна провожала старуху взглядом до тех пор, пока та не скрылась из вида, а потом, не теряя ни секунды, схватила брюки и фуфайку. У очага валялись поношенные башмаки, и она забрала и их, после чего, пугливо озираясь, помчалась обратно, спрятала украденные вещи туда же, куда и еду, и только тогда перевела дыхание.

Но радовалась она недолго. Не успела Марианна завернуть за угол хижины, как почувствовала, что кто-то схватил ее за плечо. Чуть не грохнувшись от страха в обморок, она стремительно обернулась. На нее, ухмыляясь, смотрел Джуд Троуг.

– Где это тебя носит? – спросил он недовольно. – Я тебя по всему берегу ищу. Смотри, что я принес! – И он протянул Марианне бутылку вина и щедрый ломоть солонины. – Здоровый кусище! Для капитана небось припасли. Попируем сегодня на славу!

Марианна облегченно вздохнула: значит, Джуд ничего не заметил. Боже, как она испугалась! Надо быть поосторожней.

– Я вернулась домой попить, – проговорила она, одаривая Джуда лучезарной улыбкой. – После такой работенки всегда жажда мучает. – И Марианна провела рукой по лбу, утирая капельки пота, в надежде, что Джуд не догадается, что она вспотела от страха.

Он усмехнулся, обнажив щербатый рот.

– Это здорово, что я тебя здесь нашел. Можем немного позабавиться наверху. Что скажешь?

Улыбка застыла у Марианны на губах. Этот похотливый блеск в глазах был ей до боли знаком, однако выбора у нее не было. Если она откажется, он может что-то заподозрить. И Марианна улыбнулась, стараясь, чтобы губы не дрожали.

– Позабавиться, говоришь? Ну что ж...

Джуд, расхохотавшись, сунул бутылку вина и солонину под мышку, а свободной рукой притянул Марианну к себе.

– Ты все схватываешь на лету, девочка. Нас сейчас никто не хватится, а мы пока... – Он мерзко захохотал.

Марианне потребовалась вся ее сила воли, чтобы скрыть отвращение. После того как она увидела прекрасного незнакомца с корабля, касалась его чистой, белой кожи, любовалась его неземной красотой, заниматься любовью с волосатым вонючим Джудом было просто невыносимо.

Однако она покорно пошла за ним в дом, а потом и в комнату, где они спали. Пока Джуд торопливо раздевал ее, Марианна, закрыв глаза, думала о прекрасном юноше. Ради него она пойдет на все!

В одном Джуд оказался прав: позабавился он с ней и в самом деле немного, после чего выпил один почти всю бутылку вина, хлопнул Марианну напоследок по попке и отправился обратно на берег, оставив ее приводить себя в порядок.

Смывая с себя следы похоти Джуда, Марианна впервые обратила внимание на то, что и ее собственное тело вовсе не такое чистое, как хотелось бы. Конечно, не грязнее, чем у остальных, но и не чище.

Марианна сравнила себя с молодым человеком, которого подарило ей море. На теле его не было ни единого грязного либо сального пятнышка. Правда, он долгое время пробыл в воде, однако она по опыту знала, что одной морской водой сажу, красовавшуюся на лицах большинства членов банды, смыть невозможно.

Что подумает о ней незнакомец, если и ему доведется увидеть ее тело? Наверняка с отвращением отвернется, решила Марианна и поморщилась.

Кроме того треснутого зеркала, что висело у двери, у стены стояло старенькое трюмо, добытое давным-давно после какого-то кораблекрушения. Зеркало в нем, пожелтевшее от времени и все в пятнах – потому-то Марианна так редко в него заглядывала, – имело одно неоспоримое достоинство: оно было такое большое, что в нем она отражалась вся целиком.

Марианна открыла шкаф, вытерла рукавом пыльную поверхность зеркала, а потом взглянула на свое отражение, пытаясь увидеть себя глазами молодого человека.

Нельзя сказать, чтобы увиденное привело ее в восторг: растрепанная копна волос, темное от загара лицо с остреньким подбородком, большие глаза, а фигуру и не разглядишь даже под этими лохмотьями.

Марианна понимала, что должна спешить, что времени у нее почти не осталось, и тем не менее не могла оторвать взгляда от своего отражения, а в голове у нее проносились самые противоречивые мысли и переживания.

Внезапно она принялась стаскивать с себя одежду. И вот уже блузка и жакет полетели в сторону, а за ними драная юбка, потом тяжелые сапоги, шерстяные чулки, пока, наконец, Марианна не осталась стоять голышом перед мутным зеркальным стеклом, дрожа от холода.

Она нерешительно отступила на шаг, стараясь разглядеть себя всю и одновременно опасаясь, что увидит нечто ужасное.

В тусклом зеркале взору ее предстала маленькая женская фигурка, аппетитно округлая. Ноги, хотя их давно следовало бы вымыть, стройные, с тугими икрами и маленькими ступнями. Бедра – высокие и пышные. Под слегка выпуклым животом – треугольник черных курчавых волос. Талия – тонкая, отчего пышная грудь кажется еще больше, чем есть на самом деле, и как-то не вяжется с детским лицом ее владелицы.

Марианна осталась недовольна увиденным: и ростом не вышла, и ноги слишком короткие, и выражение лица оставляет желать лучшего – девчонка, да и только. Еще совсем недавно она считала, что женщинам на острове красота ни к чему, а вот теперь признала, что еще как к чему. Ей просто необходимо быть красивой, чтобы понравиться тому юноше.

Взгляд Марианны упал на пышную грудь, и она тихонько коснулась ее рукой. Грудь была мягкой и в то же время упругой. Эта неизвестно откуда взявшаяся пару лет назад часть тела доставляла Марианне массу хлопот и в то же время, похоже, чрезвычайно нравилась Джуду, да и другим мужчинам тоже, поскольку те не сводили с нее глаз. Однако самой Марианне эта самая грудь мешала ужасно, особенно когда требовалось выполнять тяжелую работу: вытаскивать на берег бочонки, сундуки и прочее добро.

Интересно, понравится ли ее грудь молодому человеку, подумала Марианна. Он настолько непохож на всех остальных мужчин, что, очень может быть, и здесь имеет свое мнение, отличающееся от других.

Вытянув вперед руку, она принялась с пристрастием рассматривать ее. Какая же она грязная! Ужас! Подняв руку вверх, осторожно понюхала подмышку и, сморщив нос, закашлялась. Все ясно. От нее тоже воняет. Не так сильно, как от Джуда, но ничуть не меньше, чем от остальных жителей острова. Впрочем, всегда кажется, что от себя самой пахнет меньше, чем от других. А взглянув на ноги, Марианна увидела, что и они отнюдь не чище.

Несколько секунд Марианна неподвижно стояла перед зеркалом, а потом решительно развернулась и принялась лихорадочно рыться в убогом буфете в поисках старенького тазика с отбитой эмалью. Ага, вот он!

Марианна, не одеваясь, кинулась в переднюю комнату, где стояла бочка с водой, и, зачерпнув полный ковш, вылила воду в таз. Для того чтобы найти чистую тряпку, понадобилось немного больше времени, но наконец среди наваленного в углу старья, добытого с потерпевших крушение судов, Марианна обнаружила кусок серой фланели. Отлично, как раз то, что нужно! Осталось только раздобыть мыло. Ну, это проще простого! Через несколько секунд в руках у нее оказался кусок желтого, похожего на воск мыла с едким запахом.

Дрожа всем телом от холода, она обреченно вздохнула и шагнула в воду. Сначала вымыла лицо, уши и шею, потом тело и под конец руки и ноги. От мыла исходил такой резкий запах, что Марианна едва не задохнулась, но продолжала безжалостно тереть и скоблить себя до тех пор, пока не решила, что уже достаточно чистая, после чего опять отправилась в соседнюю комнату, чтобы смыть мыло.

Покончив наконец с мытьем, Марианна опять подошла к трюмо и, взглянув в зеркало, почувствовала себя так, словно смыла не просто грязь, а нечто большее, гораздо большее.

Бросив взгляд на кучу грязной одежды, она задумчиво покачала головой. Нет, ее старое вонючее тряпье не годится для чистого, обновленного тела.

Пришлось опять рыться в буфете, в котором она обнаружила таз. Наконец поиски ее увенчались успехом: нашлась более-менее чистая юбка, блузка и относительно новые шерстяные чулки. Что ж, за неимением лучшего сойдет и это.

Марианна быстро натянула одежду и, отыскав расческу с отломанными через один зубьями, которой изредка пользовалась, несколько раз прошлась ею по своей буйной гриве. Вот теперь все.

Тело ее налилось легкостью, а душа – какой-то отчаянной радостью, а вот отчего это происходило, понять никак не могла. Неужели мытье способно очистить не только кожу, но и душу? Над этим стоило поразмыслить, однако на это не было времени. Нужно отнести юноше вещи, которые она для него собрала, а потом вернуться на берег, пока остальные ее не хватились.

Погруженная в свои мысли, Марианна открыла входную дверь и начала спускаться по деревяшкам, заменявшим лестницу. Осторожно ступая по скользким доскам, она смотрела вниз и потому не видела, как прямо перед ней выросла высокая фигура. Спрыгнув на землю, она наконец вскинула голову и едва не вскрикнула от неожиданности: перед ней стоял Иезекииль Троуг.

В мгновение ока всю ее радость как рукой сняло. Один взгляд холодных зеленых глаз приводил ее в ужас, хотя уж кем-кем, а трусихой она не была. Вообще по-настоящему ее испугать мог лишь Джуд – хотя Марианна уже научилась его укрощать, боязнь утонуть – как-то раз, когда была совсем маленькой, она чуть не пошла ко дну. И вот теперь Иезекииль Троуг.

Марианна не смогла бы даже сразу сказать, который из двух последних страхов наводит на нее больший ужас. Иезекииль Троуг обладал такой же непредсказуемой, неподвластной человеку, неуправляемой силой, что и волны, способные утянуть на дно морское.

Марианна чуть было не развернулась и не бросилась обратно в дом, но все же сумела взять себя в руки.

– Здравствуйте, господин Троуг. Я как раз собиралась вернуться на берег.

И потупила взор, уставившись на носки своих тяжелых сапог. Всем своим существом ощущала она невероятную силу этого человека, высокого, мрачного, как огромная грозовая туча.

– Посмотри на меня, девочка! – приказал он своим зычным голосом.

Марианна нехотя подняла голову, стараясь не смотреть ему в глаза. Взгляд Иезекииля Троуга пронизывал ее насквозь, и все время казалось, что он может читать мысли, даже самые потаенные. Но и послушаться его она не могла. Марианна послушно посмотрела ему прямо в глаза.

Иезекииль Троуг окинул женщину своего сына взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. Он прекрасно знал, какое впечатление производит на людей одно его присутствие: они до смерти боялись своего главаря и трепетали перед ним, и вот эту-то способность внушать страх Иезекииль Троуг ценил превыше всего на свете. Власть над людьми... Что может быть слаще?

Вот и сейчас он в очередной раз наслаждался своей властью, в то время как эта женщина трепетала от страха. А впрочем, какая там женщина – девчонка, однако аппетитная штучка: даже под этим тряпьем видны ее округлые формы, – а уж если ее отмыть, приодеть и вообще привести в порядок, мужики за ней так и ходили бы табунами.

Жаль, правда, что он тогда отдал ее сыну, однако, когда состоялся разговор на эту тему, он был занят более важными делами, а потом, когда заметил, что девчонка прехорошенькая и неплохо бы самому ею заняться, оказалось слишком поздно – уже обещал ее Джуду.

Если бы речь шла о ком-нибудь другом, Троуг отнял бы ее безо всяких там колебаний, но сын – это сын, единственный человек в этой жизни, которого Иезекииль по-настоящему любил, хотя мальчишка и не оправдал его надежд: не унаследовал ни большого ума, ни способности вести за собой людей, ни честолюбия в конце концов. Но так или иначе, Джуд его сын, единственная ниточка, связывающая Иезекииля Троуга с миром.

Мысли Троуга вернулись к стоявшей перед ним девчонке. Ее маленькое личико казалось не таким, как всегда. Интересно почему? Да оно просто чистое, догадался он. А глаза лихорадочно блестят. Неужели так его боится? Троуг взгляделся повнимательней. Нет, тут не страх, тут что-то другое. Похоже, она что-то скрывает. Очень уж невинные у нее глазки.

Троуг пожал плечами. Впрочем, какое это имеет значение. Вряд ли эта девчонка может скрывать что-то важное. Иезекииль Троуг перевел задумчивый взгляд на ее мягкие, слегка приоткрытые губы и представил себе, как вонзается в них поцелуем. Он и не подумал скрывать свои мысли и тут же заметил, как девчонка вспыхнула от смущения. Как ее легко, оказывается, укротить!

Троуг позволил себе слабую улыбку, подумав, как, должно быть, приятно укрощать ее в постели, и с удовольствием заметил, как девочка задрожала. Должно быть, вся извелась от страха, никак не может понять, что ему от нее нужно: может, собирается наказать ее за какую-то провинность, а может, хочет дать какое-то поручение. Вот этот-то страх и нужен был Троугу ото всех подчиненных. Пока они его боятся, слушаются беспрекословно. Все очень просто. Да власть в общем-то не такая уж и сложная штука.

– Пошевеливайся, – наконец холодно бросил он. – На море поднимается шторм, а я хочу, чтобы до его начала выловили весь груз.

– Слушаюсь, господин Троуг, – торопливо ответила Марианна. – Уже иду.

И она помчалась к берегу, а Троуг все стоял и смотрел ей вслед, и на губах его играла холодная улыбка. Да, жаль, что Джуд первым заметил эту девчонку.

Ну да ладно, ничего не поделаешь: придется выбросить ее из головы. Сейчас есть более важные дела, о которых нужно побеспокоиться. Последнее кораблекрушение было на редкость удачным. Груза добыли немало, так что братья из Саутгемптона будут довольны. Да, дело поставить он умеет. В этом ему нет равных.

Долго еще смотрел Троуг в ту сторону, куда исчезла девчонка.

Только поздно вечером Марианне наконец удалось пробраться в хижину, где она спряталась незнакомца. Изнывая от нетерпения, она тем не менее заставила себя работать на берегу наравне с остальными, а потом вернулась с ними домой. По-другому поступить она не посмела: Троуг весь день не спускал с нее глаз. Неужели что-то заподозрил? Но почему? С какой стати? Впрочем, очень может быть, ведь Иезекииль Троуг – человек необыкновенный. Такое впечатление, что он знает все и про всех. Поневоле поверишь, что он общается со злыми духами.

В обязанности Марианны входило готовить еду для Джуда и его отца. Вот и сегодня она приготовила им на ужин солонину и испекла хлеб, который они тут же съели, намазывая на

огромные ломти вкуснейший джем, добытый днем. Сама Марианна, хотя вообще-то любила сладкое, сейчас не чувствовала никакого вкуса: словно опилки жуешь. Все ее мысли были поглощены юношей. Как, должно быть, его мучают голод и жажда! Если ей не удастся прийти к нему сегодня, он умрет.

Как обычно, после ужина Джуд потащил ее в их комнату и, как обычно, грубо изнасиловал.

Марианна глубоко страдала, от ощущения, что ее чистое тело опять становится грязным от прикосновения его гадких, ненавистных рук. Потом она лежала и терпеливо ждала, пока он захрапит, и ей казалось, что этого никогда не произойдет.

Джуд всегда спал как убитый и никогда не просыпался ночью, разве что раздавался звон колокола, извещавший об очередном кораблекрушении. И даже тогда его, как правило, приходилось поднимать чуть ли не пинками, так что Марианна могла быть уверена, что уж если он заснул, то ни за что ее не хватится.

Выждав достаточно долго – Джуд уже храпел вовсю, – Марианна осторожно выбралась из кровати, оделась и, взяв другое пальто (свое она оставила спасенному незнакомцу), вышла из дома.

Темнота стояла кромешная, к тому же на землю спустился густой туман, однако она прекрасно знала дорогу к хижине старого Джека и неслась со всех ног.

Подбежав, она почувствовала, как сердце у нее замирает от страха: хижина была такой темной и мрачной, оттуда не доносилось ни единого звука. Марианна замерла на пороге. А что, если юноша умер? Ведь у него не было ни воды, ни пищи, а он так ослаб. Неужели она опоздала?

Дрожащей рукой Марианна откинула щеколду и вошла, напряженно вглядываясь в темноту.

– Эй, ты здесь? – И затаила дыхание, ожидая ответа.

– Это ты, моя спасительница? Я даже не знаю, как тебя зовут...

Марианна чуть не расплакалась от счастья. Голос у юноши был слабый, но он, слава богу, жив, а это самое главное.

– Где ты? Тут такая темень, хоть глаз коли.

– Здесь, – тихо отозвался юноша. – Там, где ты оставила меня. На кровати.

Марианна на ощупь добралась до кровати и, опустившись перед ней на колени, протянула руку, коснулась головы юноши, но внезапно, словно чего-то устыдившись, отстранилась.

– Я принесла тебе еды и сухую одежду.

– А свечку, случайно, не захватила?

Марианна покачала головой, но тут же сообразила, что в темноте все равно ничего не видно, и сказала:

– Нет, побоялась. Свет могут увидеть в деревне. Вот... – Марианна развернула узелок и вытащила кусок хлеба и солонину. – Ешь. Ты, должно быть, умираешь от голода.

Юноша жадно схватил еду.

– Спасибо. Но сначала дай мне, пожалуйста, воды, я умираю от жажды.

Марианна дала ему в руки кувшин.

– Тут есть вино, а еще я принесла тебе немного джема.

– Ты просто прелесть, – проговорил юноша, сделав несколько жадных глотков. – Ничего не забыла.

Марианна зарделась от смущения, и в то же время ей приятно была его похвала. Ее в жизни так мало хвалили!

Она покормила юношу, протягивая по очереди то хлеб с солониной, то бутылку вина, пока он наконец не насытился. Тогда Марианна завернула остатки еды и убрала узелок в верхний ящик комода, деловито пояснив:

– Здесь его крысы не достанут.

Юноша вздохнул:

– Ну вот, наконец-то я сыт. Совсем по-другому себя чувствую... А теперь могу ли я узнать, как тебя зовут? «Моя спасительница» звучит уж слишком напыщенно.

Она улыбнулась и села на краешек кровати рядом с ним.

– Меня зовут Марианна. Марианна Харпер, – представилась она с улыбкой, хотя юноша в темноте этого и не видел. – А знаешь, как я тебя называла про себя?

– И как же? – В голосе его тоже прозвучали веселые нотки.

– Я называла тебя «моя добыча», – сказала Марианна, несколько покривив душой.

Но не могла же она признаться, что мысленно называла его «мой молодой человек».

Юноша тихонько рассмеялся.

– Да, так оно и есть! Еще один груз, выброшенный на берег морем. А вообще-то меня зовут Филипп. Филипп Котрайт.

Последние слова он произнес неожиданно грустным тоном, и Марианна догадалась, что он вспомнил о своих товарищах, погибших во время кораблекрушения.

– И что же мы теперь будем делать? – спросил он, и голос его был все таким же невеселым.

Марианна не очень поняла, о чем он говорит, и, поколебавшись несколько секунд, наконец спросила:

– Ты имеешь в виду прямо сейчас?

– Нет. Я имею в виду несколько более отдаленное будущее. Ведь не можешь же ты прятать меня здесь вечно! Мы с тобой должны придумать, как мне выбраться отсюда. У меня осталось очень важное дело.

Марианну словно ударили. Ей и в голову не приходило задумываться о каком-то отдаленном будущем, а уж о том, что ее молодой человек, ради которого она так рискует, может уйти, она и вовсе помыслить не могла.

– Ну, знаешь! Мне было не до того, чтобы ломать над этим голову, – бросила она в сердцах. – Даже на то, чтобы не дать тебе умереть от голода и холода, ушло столько сил и труда, что ты и представить себе не можешь! Только чтобы сохранить тебе жизнь, пришлось изрядно постараться. А ты уже требуешь, чтобы я придумала, как вытащить тебя отсюда.

– Ох! – Даже по голосу было ясно, как он смутился. – Прости меня, Марианна, я совсем об этом не подумал. Я очень тебе признателен за все. Бог мой! Ведь если бы не ты, не представляю, что сейчас со мной бы стало!

И он порывисто прижал ее к себе. Она и не думала сопротивляться. Его проникновенный голос, ласковые слова совершенно обезоружили ее. Если бы он накричал на нее или стал ей угрожать, тогда бы она, конечно, не позволила ему это сделать. Но он оказался таким хорошим и добрым, что она сразу же уступила ему. Какое это оказалось наслаждение – прижаться к его груди, почувствовать на своих волосах его трепетные пальцы, ощутить на своих губах ласковое прикосновение его губ, такое нежное, любящее, а через несколько минут такое же страстное. Казалось, губы его о чем-то умоляют ее.

Марианна пока не догадывалась, о чем, однако про себя уже решила, что с радостью даст Филиппу все, что он у нее ни попросит.

Она уже ни о чем не думала. Разум уступил место чувствам. Она помогла юноше раздеть себя, снимая одну вещь за другой, пока наконец не осталась такой же обнаженной, как и он. Ласковые прикосновения Филиппа стали для Марианны настоящим потрясением. Она и не подозревала, что прикосновения мужских рук могут быть настолько осторожными и нежными: до сих пор они причиняли лишь боль. Она и не догадывалась, что от простого прикосновения можно получить такое наслаждение. А его пальцы, уже добравшись до ее груди, ласкали соски. Марианна замерла от блаженства. Страстное, не испытанное доселе желание пронзило все ее существо. Филипп вел себя так, словно она для него бесценное сокровище, а не какая-

то ненужная вещь, которой можно попользоваться, а потом выбросить за ненадобностью. И потому не только тело ее трепетало от блаженства под ласковыми руками юноши, но и душа ее пела и ликовала: она желанна, она любима!

– Марианна! – В голосе Филиппа послышалась такая мольба, что девушка даже вздрогнула от неожиданности.

Никто еще никогда с ней так не разговаривал.

– Марианна, можно я займусь с тобой любовью? Ну пожалуйста, не отказывай мне, скажи «да»! Я больше не могу, я так хочу тебя!

Марианна тихонько рассмеялась.

– Какой ты смешной, Филипп. Да ведь ты уже это делаешь.

Горячее дыхание юноши обожгло ей ухо.

– Значит, можно?

– Да, Филипп, да! – задыхаясь, прошептала Марианна.

Ей не терпелось узнать, будет ли и все остальное так же непохоже на то омерзительное чувство, которое она испытывала до сих пор с Джудом.

Желание Филиппа оказалось и в самом деле велико. Марианна поняла это по тому, как трепетало его тело. Но вошел он в нее нежно и осторожно, словно боялся причинить боль. Марианна поразила самообладанию юноши. Сама она сгорала от нетерпения. Скорей, скорей!

И вот наконец свершилось – он в ней! И оказалось, что более прекрасного чувства ей еще не доводилось испытывать никогда. Впервые страстное слияние тел принесло ей необычайное острое наслаждение, о котором она и не подозревала.

Так вот, значит, почему женщины обожают спать с мужчинами, догадалась она, и впервые в жизни порадовалась, что родилась женщиной.

Вскоре волна невыразимого блаженства охватила все ее существо и, подхватив, унесла далеко-далеко, в небесные выси, где ей еще никогда не доводилось бывать.

Когда пришла в себя, она поняла, что уснула, и спала глубоко и долго. В теле была потрясающая легкость, и Марианна ощутила настоящее счастье.

Филипп лежал рядом с ней, слышалось его ровное дыхание.

Так вот, оказывается, какими могут быть отношения между женщиной и женщиной! И все способны испытывать такие чувства? Может быть, и рыжая Дженни чувствовала нечто подобное, когда занималась любовью с Джудом? Быть может, поэтому она так его ревновала и пришла в такую ярость, когда потеряла? Да, но почему тогда сама она ощущала с Джудом лишь боль и отвращение? Над этим стоит поразмыслить, решила Марианна.

Внезапно ей припомнились слова Филиппа: «Я должен выбраться отсюда». После того, что только что произошло, она не может позволить ему уйти. Она должна во что бы то ни стало удержать его здесь. Горячие слезы хлынули у нее из глаз. Нет, это невозможно! Если Филипп останется здесь, и ему, и ей будет угрожать страшная опасность. Несколько дней еще куда ни шло, можно будет водить всех за нос, но не дольше. Вскоре кто-нибудь непременно что-то заподозрит.

Интересно, когда наступит рассвет? Нужно поскорее уходить, а то, не дай бог, Джуд проснется и обнаружит, что ее нет рядом.

Марианна осторожно спустила ноги с кровати, но в этот момент Филипп проснулся и обнял ее за талию.

– Нет! Не уходи, Марианна! Моя милая, любимая Марианна, останься со мной!

– Я должна идти, – прошептала девушка. – Если Джуд меня хватится, мне несдобровать. А ты оставайся здесь и никуда не выходи. Завтра я постараюсь принести тебе еще еды.

– Спасибо, обожаемая моя Марианна. – Филипп притянул ее к себе и нежно поцеловал в губы. – Хлеб насущный – это, конечно, хорошо, но мне нужна ты! Неужели не понимаешь, какая ты милая, красивая, желанная?

Марианна вспыхнула от смущения. Что он такое говорит? И как воспринимать его слова?

– Марианна, ангел мой небесный!

Он притянул ее к себе еще крепче, и не успела она оглянуться, как волна желания накатилась на нее и увлекла за собой в волшебный мир, где только он и она и их юная страсть, чудеснее которой нет ничего на свете.

Когда Марианна наконец встала с кровати, ноги у нее подкашивались и все тело было наполнено блаженной легкостью. Она не помнила, как дошла до поселка. Счастье переполняло ее, било через край, и даже воспоминание об отвратительном вонючем теле Джуда, рядом с которым ей предстояло лечь, не смогло испортить ей настроения. Вскоре она задремала и вновь пережила во сне те чудесные мгновения любви.

Следующие два дня Марианна бродила словно во сне, машинально выполняла свои ежедневные обязанности, однако мыслями постоянно уносилась к Филиппу, к тому украденному времени, которое они проводили вместе. Она была настолько счастлива, так поглощена охватившей ее любовью, что не замечала пристальных взглядов Иезекииля Трoуга, как не замечала и бешеной злобы, которая охватывала Джуда всякий раз, когда она всеми правдами и неправдами пыталась избежать ночью его домогательств.

Спать с Джудом теперь было не просто гадко. И раньше-то, до того как она познала восхитительное чувство любви, его грубая физическая близость вызывала в ней отвращение, но теперь, когда Марианна поняла, как это чудесно – отдаваться любимому человеку, отвращение к Джуду выросло во сто крат.

Однако она была слишком погружена в свой новый чудесный мир, чтобы обращать внимание на вспышки ярости своего ненавистного сожителя. Один лишь Филипп, чудесный, необыкновенный, восхитительный Филипп, занимал все ее мысли. Марианна беспрестанно размышляла о том, как бы сделать так, чтобы он оставался здесь, на острове, и в то же время никто из ее товарищей ничего не заподозрил.

Филипп рассказал ей, что плыл он на корабле не просто так. Его ждало одно чрезвычайно важное дело, но, к несчастью, судно потерпело кораблекрушение. Так что дело, которое он поклялся довести до конца, осталось невыполненным. И поэтому он просто обязан уйти, а Марианна должна ему помочь добыть достаточно продовольствия для того, чтобы он смог добраться до Чарлстона. Однако, не желая терять своего возлюбленного, она все откладывала решение этого вопроса со дня на день.

Настал четвертый день после того, как Филиппа выбросило на берег. Марианна, как обычно, шла к хижине старого Джека, неся узелок с провизией. И, как обычно, мысли ее целиком были заняты Филиппом и тем, как бы им остаться вместе.

Когда она вошла в хижину, Филипп строгал ножом, который она для него раздобыла, кусок плавника. При виде девушки глаза у него радостно заблестели, однако выражение лица оставалось мрачным.

Марианна бросилась к нему, и они пылко обнялись.

Наконец Филипп отстранил ее и пристально взглянул в лицо.

– Марианна, мы должны поговорить. Я не могу здесь больше оставаться: с ума сойду от безделья, – а ведь меня ждет важное дело, которое должен довести до конца. Кроме того, если то, что ты мне сказала, правда, значит, я здесь в постоянной опасности. Ведь в любую минуту меня могут найти и убить ваши люди. Пойми, я должен уйти! И чем скорее, тем лучше.

– Шшш, любовь моя. Давай поговорим об этом после, – прошептала Марианна, пытаясь отвлечь его от мрачных мыслей поцелуем. – Посмотри, что я тебе принесла. Вот сладкие печенья, а вот свежая треска. Отличный ужин!

– Марианна! – В голосе Филиппа прозвучало отчаяние. – Ты совсем меня не слушаешь! То, что я говорю, очень серьезно. Ты спасла мне жизнь, и я никогда этого не забуду. Но сейчас ты можешь сделать так, что я ее потеряю!

Марианна безвольно опустила руки, на глаза навернулись слезы. В глубине души она понимала, что Филипп прав, и все же не хотела себе в этом признаваться. Она не может его потерять. Не может, и все тут!

– Филипп, любимый! – воскликнула она, бросаясь к нему на шею. – Мы обязательно поговорим об этом. Вот увидишь. Я тебе обещаю. Но сначала обними меня!

Филипп, покорно вздохнув, покорился. Они сжали друг друга в объятиях, забыв обо всем на свете, как вдруг дверь распахнулась. Ветер, зловеще захохотав, ворвался в хижину.

Марианна вскрикнула и обернулась. На пороге с дубиной в руке стоял Джуд Троуг.

Глава 3

Зловещая фигура Джуда четко вырисовывалась в бледном лунном свете, и Марианна краешком сознания успела удивиться, что так быстро наступила ночь. Но сейчас ей было не до этого. По сравнению с огромным Джудом Филипп казался слабым и хрупким. Джуд убьет его, задушит голыми руками!

Никогда еще Марианна не чувствовала себя такой беспомощной. Что же им делать? Как спастись? Чуда ждать не приходилось.

– Сука! – прорычал Джуд, и в голосе его была такая ярость, что у Марианны мороз пошел по коже. – Так вот, значит, чем ты здесь занимаешься! Кто этот мозгляк, черт бы его побрал? Я ему сейчас башку снесу!

Марианна бросилась между мужчинами, благодаря Бога за то, что в хижине стоит крошечная тьма. Очевидно, Джуд принял Филиппа за одного из деревенских мужчин. Может, если не узнает, что Филипп с погибшего корабля, то не станет его убивать? Может, удастся упрямить его пощадить юношу?

– Джуд, прошу тебя! – взмолилась Марианна, бросаясь к нему. – Пожалуйста, не трогай его!

Тот расхохотался:

– Не трогать, говоришь? Не трогать, сука?! Да что это за мужик такой, раз прячется за женскими юбками? Раз боится честной драки?

– Не честной, – проговорила Марианна дрожащим голосом. – У тебя в руках дубинка.

Джуд снова захохотал.

– Чтобы справиться с таким сопляком, как он, мне никакая дубинка не нужна. Отойди, дай на него взглянуть!

Марианна не двинулась с места.

– Джуд...

– Я сказал, отойди! – заорал тот. – Зажги лампу!

– Здесь нет... нет лампы. Нет даже свечи.

– Врешь!

– Нет-нет, я говорю правду. Я боялась, что свет могут увидеть в поселке.

Джуд презрительно фыркнул:

– Не хотела, чтобы вас видели, а? Да кто же это такой, что ты так за него трясешься? Как его зовут? Ну хорошо. Я захватил огрызок свечи и коробок спичек. Сейчас посмотрим, кто это мне наставляет рога! Я хочу увидеть лицо этой сволочи, прежде чем сверну ему шею!

От этих слов у Марианны подкосились ноги. Горячее дыхание Филиппа обжигало ей ухо. До сих пор он не проронил ни слова, и она никак не могла понять почему. У них на острове мужчины перед дракой всегда поносили друг друга на чем свет стоит.

Джуд чиркнул спичкой, и огонек на мгновение осветил лачугу. Марианна стояла оцепенев. Боже, сейчас он увидит Филиппа!

Через секунду стало еще светлее, и теперь она видела грубое лицо Джуда отчетливо. Внезапно – она и глазом моргнуть не успела – из-за ее спины выскочил Филипп.

Джуд тоже оторопел от неожиданности, разинул рот, пытаясь что-то сказать, но из глотки вырвался лишь какой-то, похожий на хрюканье звук. В следующее мгновение Филипп вышиб огарок свечи из руки Джуда. Тот издал яростный вопль. Хижина погрузилась в крошечную мглу.

– Филипп! – испуганно вскрикнула Марианна.

Ответа не было. Кто-то толкнул ее, и она полетела на кровать, затем кто-то вскрикнул (она не поняла кто), и, наконец, на пол свалилось что-то мягкое – по-видимому, тело. Марианна в ужасе затаила дыхание: кто это, Джуд или Филипп? – и снова крикнула:

– Филипп!

И наконец послышался голос Филиппа:

– Все в порядке, Марианна. Найди свечу и зажги. Никак не пойму, жив он или нет.

Она принялась судорожно шарить по полу и вскоре нашла огарок свечи, а Филипп передал ей спичечный коробок. Чиркнув спичкой, она зажгла свечу и протянула Филиппу. Он нагнулся над телом Джуда.

Марианна с содроганием отвернулась. Одного взгляда на Джуда было достаточно, чтобы все стало ясно: открытые глаза не мигая смотрят в потолок, из левого бока торчит нож. Без всякого сомнения – Джуд мертв.

Она услышала, как Филипп глубоко вздохнул, а потом почувствовала на своем плече его руку.

– Да, он мертв. Я успел вовремя пырнуть его ножом. Еще секунда, и вместо него на полу лежал бы я. Марианна, теперь мне просто необходимо уйти! Другого выхода нет.

Голос его раздавался глухо, словно говорил он сквозь толстый слой ваты. И хотя все слова были понятны, она никак не могла сообразить, о чем это он.

– Марианна, ты слушаешь меня? – Филипп рывком повернул ее к себе лицом и хорошенько встряхнул.

Свечку он поставил на стол, и в тусклом свете видно было, что он бледен как смерть, а лицо в капельках пота.

– Если ваши люди до сих пор не убили меня, то теперь, когда они найдут его, меня точно не пощадят.

«Не пощадят», – тупо подумала Марианна.

Мысли ее вернулись к отцу Джуда, и, вспомнив, каким он бывает в минуты гнева, она содрогнулась от ужаса.

Филипп еще крепче схватил ее за плечи.

– Ты должна показать мне, в какую сторону идти и где вы храните лодки. Мне нужно добраться до материка. Ты слышишь меня? Марианна!

Она смотрела ему в глаза, но ничего не видела, а в следующее мгновение словно очнулась, стряхнула оцепенение, и в миг все стало ясным и понятным. Теперь она знает, что делать.

– Это ни к чему, – произнесла она спокойно.

Филипп в недоумении вскинул брови.

– Что ты имеешь в виду?

– Я пойду с тобой: покажу дорогу и помогу взять лодку.

Филипп покачал головой.

– Но это... Я хочу сказать, это вовсе не нужно. Никто не заподозрит тебя в убийстве этого человека. Ты можешь спокойно вернуться в деревню и лечь в постель задолго до того, как найдут его тело.

Перед глазами Марианны встало лицо Иезекииля Троуга.

– Ошибаешься, Филипп. Они сразу меня заподозрят – во всяком случае, отец Джуда. Теперь я понимаю, что он давно следил за мной. Нужно мне было раньше сообразить, что его-то провести не удастся. Неужели ты думаешь, что у Джуда хватило бы ума самому выследить нас? Нет! Наверняка отец сказал ему, что я веду себя как-то странно, и посоветовал пойти за мной следом. Мне придется уйти с тобой, Филипп. Если я останусь, меня убьют. Черт бы тебя побрал, неужели ты хочешь моей смерти?

Филипп отвернулся и тяжело вздохнул.

– Ты же знаешь, что нет. Хорошо, Марианна. Я тебе верю. Мы отправимся вместе, однако не думай, что это будет увеселительная прогулка. Мужчина может путешествовать без денег, крова и еды, а вот женщина вряд ли.

Она горько улыбнулась.

– Ты забываешь, что я не просто женщина: занимаясь мужским делом, я привыкла к суровой жизни, – так что не беспокойся, обузой тебе не буду.

Когда огарок свечи разгорелся ярче и осветил всю комнату, они принялись собирать в дорогу еду, которую так и не успел съесть Филипп, и воду. Сняв с кровати покрывало, они завернули в него провизию, потом Филипп, переоделся в свой костюм, а сверху накинул ее тяжелое пальто. Сунув руку в карман, он нащупал какой-то предмет и вытащил его на свет. Глаза его расширились от удивления, когда он увидел, что на ладони у него лежит маленький аметистовый флакончик духов.

– Что это?

– Ой! – Марианна бросилась к нему, выхватила флакон и сконфуженно проговорила: – Это мое. Я нашла его на берегу в тот же день, когда и тебя. Он принесет нам удачу.

– Очень на это надеюсь, – мрачно заметил Филипп. – Нам бы она совсем не помешала. Хорошо бы к удаче еще и немного денег. На те, что у меня в кошельке, долго не протянуть. Ну вот, все готово. Задуй свечу.

Марианна послушно задула огарок и положила восковой комочек в карман, где уже лежали спички Джуда. Ей было очень страшно и в то же время радостно. До этого дня она думала, что всю свою жизнь проведет на этом вонючем острове, так и не увидев ничего хорошего, вечно голодая и замерзая. Но в то же время ей было страшно покидать остров. Что делать там, на материке? Она ведь ничего не умеет. А чем занимаются там женщины, как зарабатывают себе на хлеб? Что ждет ее в будущем? Ну да ладно, будь что будет. По крайней мере она останется с Филиппом, и он ей поможет... то есть они станут помогать друг другу.

В горле у Марианны пересохло от волнения, и она с трудом смогла прошептать:

– Я готова.

Филипп взял ее за руку, и они вместе шагнули за порог в темную ночную сырость.

Все последующие годы Марианна помнила эту ночь: как они брели по берегу, а ноги увязали во влажном песке, как отчаянно боялись погони, как надеялись, что все обойдется, и какую чувствовали усталость.

Лодки находились на берегу всего в нескольких метрах от поселка, и беглецам пришлось пробираться мимо ветхих лачуг, причем так близко, что можно было различить доносившиеся оттуда голоса. Внезапно откуда-то выскочила тощая собачонка и с лаем бросилась к ним. Марианна поспешно нагнулась и погладила ее. Животное замолчало и затрусил за ними по берегу.

Теперь уже впереди шла Марианна, показывая дорогу. Подойдя к лодкам, она указала Филиппу на одну из небольших плоскодонок, и они вдвоем принялись сталкивать ее в воду. Лодка оказалась страшно тяжелой, ноги увязали в песке, а они так устали, но отчаяние придало им сил, и наконец им удалось перевернуть лодку и подтащить к воде.

Филипп сбегал за веслами, а когда вернулся, они с Марианной столкнули плоскодонку на воду и запрыгнули в нее.

Слава богу, полдела сделано: их лодка взяла курс на побережье Каролины. Марианна каждую секунду ждала, что позади раздадутся громкие крики и треск выстрелов, но, к счастью, все было тихо.

Юбки ее, пока она сталкивала лодку в воду, намокли и теперь, холодные и мокрые, липли к ногам. Тело промерзло до костей. Скрючившись, сидела она на корме, наблюдая, как Филипп, едва различимый в темноте, пытался управиться с тяжелыми веслами. Наконец Марианна не выдержала, подползла к нему и взялась за одно из них. Стараясь грести как можно тише, выби-

ваясь из последних сил, они плыли к материку, где, как она надеялась, их ждет такая желанная свобода.

Вокруг царил непроглядная тьма. Иезекииль Троуг лежал на матрасе единственной в поселке приличной кровати, лениво глядя в черневший над головой потолок. Рядом с ним прилегла, сладко посапывая, Бетси Джонс, чей муж Люк утонул во время шторма на прошлой неделе. Бетси была молоденькая, пухленькая и свеженькая... относительно, конечно, но для жительницы острова в самый раз. Она согревала по ночам его постель и стирала ему одежду, а большего Троугу не было нужно.

Хотя только что они с Бетси яростно занимались любовью, сон не шел к Троугу. Голова его была занята другим: перед глазами вставали картины одна слаще другой.

Вот Джуд входит в хижину старого Джека, до смерти перепугав парочку, наставляющую ему рога. Марианна, голая, аппетитная, и таинственный незнакомец – Троуг почему-то представлял его совсем юным – лежат на кровати, слившись в сладострастном объятии. Животный страх охватывает их при виде Джуда. Вот Джуд наносит своему хилому противнику сокрушительный удар, Марианна испуганно таращит глаза, а потом начинает пронзительно вопить. А Джуд, не обращая внимания на ее вопли, продолжает лупить юнца своей дубинкой, потом отбрасывает ее в сторону и подходит к Марианне. Руки и одежда его обгарены кровью ее любовника. Джуд рывком прижимает Марианну к себе, валит на грязный пол и грубо овладевает ею. Троуг до мельчайших деталей представляет их неистовое совокупление. Кажется, он видит каждую мелочь, слышит каждый крик. У него такое чувство, будто это он сам, а не Джуд, ощущает, как восхитительное тепло и влажность обволакивают его...

Застонав, Троуг повернулся и, схватив Бетси за руку, притянул к себе. Сонная, она даже не сопротивлялась, когда он, навалившись на нее, принялся поспешно удовлетворять свою похоть.

Лицо Марианны все стояло у него перед глазами, пока Троуг претворял в жизнь свои необузданные фантазии. Наконец, громко вскрикнув, он содрогнулся в экстазе, а потом, обессиленный, откинулся навзничь, оттолкнув Бетси на край кровати. Та закрыла глаза и опять заснула.

Да, подумал Троуг, он правильно сделал, что поведал сыну о своих подозрениях, поскольку именно Джуд должен – нет, не должен, а просто обязан – восстановить справедливость.

Троуг следил за девчонкой с той самой минуты, как встретил ее тогда у дома. Оглядев потом хорошенько все вокруг, он без труда нашел спрятанные под крыльцом одежду и еду. Позже, уже ночью, он заметил, как Марианна выскользнула из комнаты и под покровом темноты помчалась к лачуге старого Джека. Все ясно! Значит, не все погибли в результате кораблекрушения, кто-то уцелел, иначе с какой стати ей тащить с собой еду, вино и одежду.

Троуг заметил и еще кое-что. Марианну за эти три дня словно подменили: она вся так и светилась от счастья. Такой лучезарный свет обычно исходит от женщины, когда она влюблена. Джуд никогда не мог этого добиться. Ничего, сын еще заставит эту девчонку полюбить его.

Сейчас он, наверное, уже преподавал ей урок и скоро вернется домой, решил Троуг.

«Домой...» – криво усмехнулся он. Да разве эту лачугу можно назвать домом? Однако другого дома его сын, его мальчик никогда не знал. Интересно, обрадуется ли Джуд, когда он скажет ему, что скоро они уедут с острова и отправятся в Чарлстон, а быть может, в Новый Орлеан, где Иезекииль Троуг займется каким-нибудь стоящим делом – например, станет судовладельцем. А что? Деньги большие, да и работенка непьющая. Иезекииль Троуг никогда не любил работать: пусть дураки вкалывают.

Правда, нельзя сказать, что его занятие не приносило доход. Приносило, да еще какой! Троуг усмехнулся, подумав о тех сундуках с золотом, что зарыты позади его хижины. Кораблекрушения обогатили его, однако годы, прожитые в нищете, под палящим солнцем и прони-

зывающим ветром, уже давали о себе знать. Ему до смерти надоело носить грубую рыбацкую одежду, он устал от вечной вони и грязи, скудной пищи, от постоянного холода, а больше всего – от того жалкого сброда, которым ему приходится командовать.

Однако Иезекииль Троуг был человеком целеустремленным. Он поставил себе цель в жизни: сделаться очень богатым, – и шел к ней, невзирая ни на какие неудобства, сметая все преграды. Но время шло, он становился все старше, жизнь его уже шла к закату, и усталое тело требовало отдыха. Да и, в конце концов, должен же он получить хоть малую толику удовольствий на те деньги, что ему удалось скопить! Ведь как бы там ни было, Иезекииль Троуг был рожден для лучшей жизни.

Джозеф Хендерсон Дартер происходил из преуспевающей семьи. Родился он 31 марта 1785 года в Нью-Йорке. Отец его, Эбенайзер Уилтон Дартер, был судоторговцем. Жену его звали Мирабель Дартер, урожденная Хендерсон. Джозеф был их первенцем. Через несколько лет после его появления на свет у молодой четы родилось еще двое детей, сын Генри и дочь Луиза.

Троуг до сих пор не мог забыть гнев и отвращение, охватившие его, когда родились эти братец и сестрица. Они казались ему самозванцами, врагами, отнявшими принадлежавшее ему родительское внимание, а в дальнейшем готовые отнять и наследство. И потому он мстил им: измывался и колотил так, что они то и дело мчались ябедничать на него матери.

Поскольку за этим неизменно следовало наказание, Троуг вскоре избрал другую тактику. Открытой, честной борьбе он предпочел хитрость и обман и быстро понял, что исподтишка действовать куда лучше. Он был очень умен и изобретателен и превратил жизнь бедных ребятшек в сущий ад.

Сначала они пытались бороться, но Троуг всегда умело доказывал, что он тут ни при чем, так что младшие брат и сестра вскоре перестали жаловаться на него родителям и стали просто делать все возможное, чтобы держаться от своего братца как можно дальше.

Лицо Троуга исказила злая гримаса. Маленькие негодяи! Как же он их ненавидел, да и до сих пор ненавидит. Генри наверняка уже стал во главе семейного предприятия, а Луиза, без сомнения, вышла замуж за какого-нибудь чванливого преуспевающего торговца и нарожала ему с полдюжины щенков. Они, наверное, считают его мертвым и, конечно, несказанно этому рады, хотя ни за что не признаются в этом даже самим себе: слишком уж лицемерны и двуличны.

Ну да ладно, не стоит забивать себе голову мыслями о них. Пусть себе считают, что его уже нет на белом свете, а он жив и здоров и по-своему очень даже преуспел. Да, именно по-своему.

Он всегда, с самого детства поступал по-своему, так, как считал нужным. Однажды в гнев мать назвала его бессердечным исчадием ада.

«Ты умен, – бросила она. – Быть может, даже слишком умен. И умеешь, когда тебе хочется, вести себя, как паинька. Но ты бессердечен, у тебя отсутствует главное человеческое качество, присущее всем нормальным людям, – доброта. Ты представления не имеешь о том, что такое хорошо и что такое плохо. Иногда мне кажется, что у тебя вообще нет души!»

После этих слов мать сложила руки на груди и грозно выпрямилась, но на Троуга это не произвело ни малейшего впечатления. Сам он считал, что имеет все, что ему нужно, и слова матери о том, что у него нет души, лишь заинтриговали его. Значит, он не такой, как все эти жалкие людишки? Вот и отлично!

Позже Троуг, поразмыслив над словами матери, попытался сравнить себя с другими людьми и пришел к выводу, что он и в самом деле совершенно не такой, как все, кого он знает. Если ему что-то требовалось получить или что-то хотелось сделать, он никогда не терзал себя глупыми сомнениями, а упрямо шел к своей цели. Он считал, что все эти колебания, терзания – лишь напрасная трата драгоценного времени. Вопросы морали и нравственности никогда его

не волновали. Станет он переживать по таким пустякам! У него была своя мораль: если ему что-то нужно, он брал это безо всякого зазрения совести, если его выводили из себя – жестоко наказывал того, кто посмел так поступить. И никогда не испытывал ни угрызений совести, ни чувства вины за содеянное. А другие люди, как он заметил, испытывали. И хотя он представления не имел, что это за чувство вины такое, полагал, что оно наверняка убивает все удовольствие от предшествовавшего ему поступка. Так что, если он не способен на подобные чувства – тем лучше! Значит, он просто намного умнее всех остальных и вообще выше их.

Итак, действуя где хитростью, где обманом, Троуг прожил детство и юность более-менее спокойно, научился скрывать свое истинное лицо под благочестивой маской и использовать свои таланты себе во благо. Он бывал крайне осторожен и осмотрителен и старался поступать так, чтобы родители и все окружающие не узнали о его неблагоприятных поступках.

Однако с каждым годом жизнь в родительском доме казалась Троугу все более нудной.

И вот, когда ему исполнилось семнадцать, он наконец совершил такой отвратительный поступок, который невозможно оказалось ни оправдать, ни скрыть даже такому умному и изворотливому, как он. Поступок этот касался молодой женщины, даже не женщины, а девушки, поскольку ей было столько же лет, сколько и Троугу. Звали ее Энни Робертс, и ее отец, глава крупного банка, был близким другом отца Троуга. Энни и Троуг знали друг друга с самого детства, и Троуг всегда считал ее глупенькой маменькиной дочкой, бледненькой и совершенно непривлекательной.

Но когда Энни исполнилось шестнадцать, она вдруг расцвела и превратилась в высокую стройную девушку с тонкими чертами лица. Грудь ее налилась, бедра округлились, талия стала совсем тоненькой. Даже ее дурацкая бледность вызвала яростное желание. В общем, гадкий утенок превратился в красивого лебедя, невзрачная девчонка исчезла, уступив место соблазнительной юной девушке, вокруг которой вился рой молодых повес, одним из которых был Иезекииль Троуг.

Впрочем, было бы неверно сказать, что он ходил за ней хвостом, как другие. Поскольку их родители дружили, у него, несомненно, было явное преимущество. Да к тому же он и не собирался заниматься какими-то глупыми ухаживаниями.

В шестнадцатилетнем возрасте Троуг уже познал все тайны плотских удовольствий. В публичных домах он давно был своим, да и в игорных домах и салонах его тоже знали. Родители его, естественно, ни о чем не догадывались, и он прилагал все усилия к тому, чтобы они оставались в блаженном неведении как можно дольше.

С девушками из приличных семей он не связывался, считая, что игра не стоит свеч: слишком много возни и никакого удовольствия. Девственницы, как выяснилось, тоже оказались ему не по душе. Они лили горькие слезы, брыкались и царапались, прежде чем уступить, а уступив, ждали, что он предложит им брачные узы в обмен на свою драгоценную девственность, а когда этого не происходило, грозили разоблачением.

Но к Энни Робертс Троуг испытывал совершенно иные чувства. Нельзя сказать, чтобы это была нежность: Иезекииль Троуг вообще не представлял себе, что это такое, но по какой-то неведомой причине он желал эту девушку, желал настолько сильно, что страсть эта не давала ему покоя во сне, а наяву проявлялась настолько явственно, что того и гляди грозила вызвать смущение у окружающих.

Привыкнув сразу получать желаемое, Троуг с трудом выносил спектакль, который Энни – как и все другие приличные девицы – перед ним разыгрывала: стыдливо прикрывала веером лицо; легонько касалась – естественно, случайно – его руки; бросала на него томные взгляды, а когда он ловил их, поспешно отворачивалась; издавала притворные охи и ахи. Какая чепуха! Когда они бывали одни в саду, он едва сдерживался, чтобы не повалить ее на землю и не овладеть ею тут же. И тем не менее при всем своем нахальстве Троуг был далеко не дурак и прекрасно понимал, каковы могут быть последствия подобной поспешности. И стал выжидать.

Он знал, что Энни к нему равнодушна: взгляды, которые она на него бросала, краска стыда, то и дело заливавшая ей лицо, выдавали ее, – хотя, быть может, сама она об этом и не догадывалась..

План его был одновременно простым и дерзким. В один прекрасный день они останутся одни, совсем одни. Сначала он немного подыграет ей. Поухаживает, пошепчет ей на ушко комплименты, подразнит ее, а потом предложит попить чаю или еще чего-нибудь, а в питье добавит бесцветной жидкости, что дал ему Баджерс, жадный до денег и девиц аптекарь, живший неподалеку. Он уверял, что снадобье оказывает на человека одурманивающее действие, подобно опиуму или гашишу. После того как дело будет сделано, Троуг рассчитывал, что Энни будет молчать, так как побоится признаться, что ее изнасиловали. К тому же если лекарство окажет то действие, что обещал Троугу аптекарь, Энни впадет в состояние, схожее с опьянением, и на следующий день даже не вспомнит, что с ней произошло. Нельзя сказать, что план этот был идеальным, но за неимением лучшего сойдет и такой.

Наконец настал день, когда терпение его было вознаграждено. В июле, когда семья Робертс собирала чемоданы, готовясь отправиться в отпуск, что они делали из года в год, Энни заболела. Мать Троуга, зная, с каким нетерпением Робертсы ждали этой поездки, предложила поухаживать за их дочерью до тех пор, пока она не поправится, а потом отправить ее к родителям.

Болезнь Энни, острый бронхит, вынудила ее целую неделю провести в постели, а период выздоровления длился еще дольше. Даже после того, как боли в груди прекратились и кашель пропал, она все еще была очень слабой, и Мирабель Дартер кудахтала над ней, как курица, то и дело потчевала всякими вкусностями, а Генри и Луиза постоянно ошивались в ее комнате: рассказывали какие-то дурацкие истории и заставляли играть в различные детские игры, – и Троугу уже стало казаться, что он этого больше не выдержит.

И вот наконец его час настал. Однажды после обеда, когда Энни уже почти совсем поправилась, мать Троуга собралась навестить старую больную тетушку – как делала регулярно раз в месяц, – жившую в нескольких часах езды от их дома. Обычно мать брала с собой младших детей, но на этот раз заколебалась. Ей не хотелось оставлять Энни одну.

Тогда Троуг с такой искренностью, что матери и в голову не пришло заподозрить его в чем-то дурном, принялся уговаривать ее поехать, убедительно доказывая, что дети не выезжали за город уже больше месяца и что тетушка Ариадна ждет не дождется, когда ее навестят. Мать, радуясь необыкновенной заботливости Троуга, быстро собралась в дорогу и, забрав с собой младших детей, уехала.

И вот наконец-то Троуг и Энни Робертс остались в доме одни, вернее – почти одни. Джонас, кучер, поехал вместе с миссис Дартер, а Марта, экономка, женщина средних лет, как обычно, на выходные отправилась домой. В доме оставалась лишь Салли, придурковатая служанка.

У Троуга, естественно, сразу же созрел план, как убрать Салли с дороги. Он сказал ей, что она неважно выглядит, и предложил выпить стаканчик хереса, а потом вздремнуть часок. Он даже сам принес ей бутылку, отлично зная, что стаканчиком она не ограничится, а потом проспит целый день.

Устранив все возможные препятствия, Троуг отправился к Энни, горя желанием побыстрее претворить свой план в жизнь.

Вначале все шло так, как задумано. Энни, которой до смерти надоело невольное заточение, обрадовалась приходу Троуга и охотно согласилась сыграть в предложенную игру, а потом так же охотно выпила чашку чая с лекарством, которую он заботливо принес.

Троуг тоже выпил чаю, в который предварительно добавил щедрую порцию бренди. Поставив пустую чашку на стол, Энни откинулась на спинку кресла.

– Боже мой, что-то мне ужасно захотелось спать, – сонным голосом проговорила она.

Троуг затаив дыхание наблюдал, как веки у нее устало смежились, а тело обмякло. Решив, что она уже крепко заснула, он опустился перед ней на колени и принялся раздевать. Баджерс был прав: препарат действовал! Энни даже не открыла глаза, лишь что-то тихонько пробормотала. Мягкая и податливая, лежала она в кресле, безвольно отдавшись на милость Троуга, и в то же время чувствовалось, что сознание не совсем покинуло ее.

Несколько минут Троуг жадно пожирал глазами ее обнаженное тело. Он наслаждался переполнявшим его чувством власти до тех пор, пока ждать уже не осталось сил. Тогда он вытащил свой набухший член, символ этой власти, и вонзил его в нежную плоть.

Ощущение обладания беспомощной девушкой оказалось восхитительным, куда лучше, чем в мечтах, и он уже почти достиг того момента, когда переполнявший его экстаз готов был выплеснуться наружу, как вдруг Энни пошевелилась, сначала слегка, потом все сильнее и сильнее и, наконец, вскрикнув, попыталась сбросить своего насильника.

Измученный Троуг уставился в широко раскрытые голубые глаза, полные страха и отвращения. Выругавшись про себя, Троуг решил позднее разобраться с этим Баджерсом, однако добычу свою не выпустил.

Энни боролась отчаянно, брыкалась под ним, как норовистая кобылка, однако Троуг, возбуждись от этого еще сильнее, лишь крепче прижимал ее к себе.

Страсть была через край, переполняла его, и Троуг в экстазе закрыл глаза, однако тут же открыл, когда, острая боль пронзила руку: это Энни вцепилась зубами в левое запястье.

Это случилось в самый кульминационный момент, и хотя боль была очень сильной, Троуг и на сей раз не выпустил свою жертву. Он выдернул руку и, зарывчав, обхватил шею девушки обеими руками. Она тут же впиалась в них ногтями – тщетно! Троуг содрогнулся в экстазе и непроизвольно усилил хватку.

Несколько секунд спустя, когда долгожданная страсть была наконец удовлетворена, Троуг, обессиленный, лежал рядом с Энни. Она не шевелилась. Решив, что девушка просто потеряла сознание, и от души надеясь, что она пролежит так подольше и он успеет убраться восвояси, прежде чем она придет в себя, Троуг склонился над ней. Черт бы подрал этого Баджерса! Из-за него все чуть не пошло насмарку. Ну ничего, он еще с ним поговорит!

Но, взглядевшись в лицо девушки, Троуг, к своему ужасу, понял, что Энни вовсе не в обмороке, а мертва. Мысли его лихорадочно закрутились: нужно придумать какую-нибудь правдоподобную историю, и как можно скорее. Например, в дом вломился грабитель, он, Троуг, стал с ним драться, однако тот оказался сильнее и ударил его так, что он потерял сознание. А грабитель пробрался в комнату Энни и изнасиловал ее. Или, допустим, Энни попросила его, Троуга, сходить в аптеку и купить для нее розовой воды для лица или нюхательную соль, и, пока он ходил, в дом проник грабитель и убил ее.

Однако рассказывать ни первую, ни вторую историю Троугу не пришлось – и он до сих пор не знает, поверили бы в нее родители или нет, – поскольку, пока он стоял над телом Энни, соображая, что ему делать, в комнату влетела Салли. Она увидела Энни, уже открыла рот, чтобы завизжать, и тут уставилась на Троуга огромными испуганными глазами.

– Чего уставилась, идиотка ты эдакая? – рявкнул Троуг. – Я сам только что вошел и увидел, что бедняжка Энни мертва. Должно быть, кто-то вломился в дом!

Салли все так же смотрела на него, и во взгляде ее застыл ужас. Почему она так смотрит? С какой стати ей его подозревать? Проследив за ее взглядом, Троуг опустил голову и увидел, что штаны у него не застегнуты и из них выбивается нижнее белье.

Секунду он размышлял, не прикончить ли заодно и Салли. Грабитель запросто мог убить и ее вместе с Энни. Но в этот момент в коридоре послышались шаги. Кто-то идет!

Выбора не было. Нужно бежать. Оттолкнув служанку, Троуг бросился из комнаты и сбил с ног экономку, которая как раз возвращалась домой.

За его спиной обе женщины принялись истошно вопить, однако Троуг решил, что успеет заскочить в свою комнату, прежде чем они позовут на помощь. Схватив пальто, шляпу и кошелек, он кинулся в комнату родителей, к комоду, где, как ему было известно, отец прятал деньги. Через пять минут Троуг уже был далеко от родительского дома. Больше он туда не возвращался.

Лежа в своей хижине на кровати с отломанной спинкой, Иезекииль Троуг потянулся и угрюмо усмехнулся. Вот так началась его жизнь, полная опасностей и приключений, настоящая жизнь.

Понимая, что его будут преследовать, он постарался поскорее покинуть Нью-Йорк и уехать как можно дальше. Добравшись до Чарлстона, он сошелся с одним человеком, и тот рассказал, что есть такой остров Аутер-Бэнкс, где можно неплохо пожить грабежами, сажая корабли с грузом на мель. Мужчина этот познакомил его с братьями Барт из Нортгемптона, что на Лонг-Айленде, которые владели небольшой корабельной компанией, но честный доход приносил не много, и потому услуги таких, как Иезекииль Троуг, были им очень нужны.

Вот так Троуг и попал на Аутер-Бэнкс, где, пустив в ход все свои таланты: хитрость, изворотливость, холодный острый ум и полное отсутствие совести, – быстро сделался вожаком пестрой шайки грабителей, населяли этот песчаный остров. Он сменил имя на Иезекииль – так звали ветхозаветного проповедника, – которое, как ему казалось, звучало более грозно, взял себе женщину, но она умерла через несколько лет во время родов. Родившегося сына он назвал Джудом в честь Иуды Искарота.

Только вспомнив про Джуда, Троуг понял, что ночь почти прошла и скоро наступит утро. Нужно немного поспать, а потом послушать рассказ сына о том, как он разобрался с девчонкой и ее любовником. Да, это будет неплохим началом нового дня.

Когда Троуг проснулся, было довольно поздно: обычно он вставал до рассвета. Бетси уже ушла.

Позавтракав остатками вчерашнего ужина, Троуг выпил стакан крепкого вина и, вытерев рот рукавом, направился к Джуду, предвкушая удовольствие. Его сын наверняка неплохо позабавился прошлой ночью!

Но когда Троуг вошел в комнату, то с удивлением обнаружил, что она пуста, а дверь нараспашку. Троуг нахмурился. Куда это они подевались? Когда не было работы, его подчиненные обычно сидели по домам: ходить на острове было особенно некуда.

Не заподозрив пока еще ничего дурного, Троуг вышел из дома. У стены в тенечке сидел один из рыбаков (имени его он не помнил) и курил трубку.

– Ты не видел моего сына? – спросил Троуг.

Мужчина взглянул на него, и в глазах его мелькнул страх.

– Нет, хозяин, не видел: ни его самого, ни его бабы. Я уж тут с самого утра сижу.

Троуг хмуро взглянул на него и, не проронив ни слова, направился к следующему дому, где задал тот же вопрос.

Наконец, убедившись, что никто не видел ни Джуда, ни его подружки, он решил, что они все еще в хижине старого Джека, хотя что им там до сих пор делать, никак не мог понять.

Направляясь к стоявшей в отдалении хижине, Троуг внезапно почувствовал легкое беспокойство. Что-то здесь не так. Не стал бы Джуд торчать в этом Богом забытом месте всю ночь и все утро. В своем доме у него и еда, и выпивка. К тому же ему наверняка не терпится похвалиться своими подвигами перед отцом.

Солнце уже припекало вовсю, несмотря на пронизывающий ветер с моря. Троуг вспотел в своем тяжелом, толстом пальто и скинул его.

Внезапно с моря прилетела чайка и с пронзительным кричаем закружилась над ним, и Троуг от неожиданности втянул голову в плечи. Обычно он не верил в дурные приметы, однако

сейчас в появлении птицы усмотрел какой-то зловеющий знак. Беспокойство его становилось все сильнее и сильнее, и он почти бегом бросился к лачуге.

Внутри царил полумрак – скала бросала тень на хижину, – и Троугу потребовалось несколько минут, чтобы глаза его привыкли к темноте. Наконец он заметил на грязном полу распростертую человеческую фигуру. Сощурился и сжав руки в кулаки, Троуг подошел поближе, уже понимая, что это его сын.

Так оно и оказалось... Молча смотрел Троуг в его невидящие глаза, а душа разрывалась от горя. Потом он с трудом проглотил застрявший в горле комок, почувствовав непонятное жжение в глазах.

Джуд мертв! Его единственный сын... Эта потаскушка и ее любовник убили его!

Троуг почувствовал, как душу его наполняет безумная ярость. Застонав от горя и ненависти, он вскинул кулак и погрозив невидимому небу, звенящим от гнева голосом воскликнул:

– Клянусь! Я, Иезекииль Троуг, в прошлом Джозеф Дартер, клянусь всеми муками ада, что отомщу за убийство своего единственного сына!

Опустив голову, он еще раз взглянул на тело Джуда и сказал, обращаясь к нему:

– Я накажу эту суку, сынок! Пойду за ней, если потребуется, на край света, но найду и заставлю заплатить за то, что она совершила! Заставлю заплатить их обоих! Я не успокоюсь, пока ты не будешь отомщен! Клянусь тебе в этом!

Глава 4

Здание фермы, маленькое и приземистое, прекрасно вписывалось в окружающий сельский пейзаж.

Рядом с домом находились деревянный сарай и небольшой загон для скотины, в котором похрюкивали три крупных свиньи. Позади дома виднелся крошечный огородик.

Марианна, прячась за низеньким каменным забором, не отрывала голодного взгляда от цыплят, бегавших по двору. Она замерзла до костей, а промокшая одежда прилипла к телу, и казалась ледяной.

Клацая зубами и дрожа всем телом, смотрела Марианна, как Филипп на четвереньках полз к веревке, на которой, обдуваемое свежим утренним ветерком, трепыхалось белье.

Они высадились на материк час назад. Из последних сил вытащили лодку на берег и спрятали среди скал так, чтобы не было видно с моря.

Марианна слабо представляла себе, в какой стороне находится Чарлстон, но оказалось, что Филипп прекрасно умеет ориентироваться. И они пошли на юг. Продрогшие, усталые и голодные, брели беглецы по грязной дороге, петлявшей между густыми кустарниками и одинокими чахлыми деревьями. Упрямо шли они вперед, понимая, что нужно как можно дальше уйти от того места, где высадились, чтобы сбить погоню со следа. Марианна не сомневалась, что они намного опередили ее, и все же каждую секунду испуганно оглядывалась через плечо.

Филипп первым заметил домик фермера, и Марианна уговорила его потихоньку подбраться к нему: вдруг удастся найти что-нибудь съестное.

И вот сейчас Филипп, вместо того чтобы поймать какого-нибудь цыпленка, пытается стащить одежду! Невероятно! Марианна даже головой замотала от избытка чувств. Одежда ее промокла насквозь, это верно, но день вроде будет солнечным, так что она быстро высохнет. Но когда она попыталась сказать об этом Филиппу, он, скорчив гримасу, проговорил:

– Она-то высохнет, но ты все равно будешь выглядеть в ней, как пугало огородное. Мы должны раздобыть тебе что-нибудь приличное. Мы не сможем двигаться дальше, пока на тебе это тряпье!

Марианна окинула взглядом свою старенькую юбку, мужское пальто, тяжелые сапоги и пожалала плечами. Она всегда так одевалась, да и другие женщины, жившие на острове, тоже. Ее наряд ничем не хуже, но когда она попыталась объяснить это Филиппу, он ее и слушать не стал.

И теперь, вне себя от злости, она смотрела, как он крадется к белью, трепетавшему на ветру.

К счастью, во дворе не было собаки, и Филипп, благополучно сдернув одежду, все так же пригибаясь, бросился обратно. Раскрасневшийся и запыхавшийся, он протянул добытые вещи Марианне.

– У меня никогда не было сестры, – чуть отдышавшись, сказал он, – и я, к сожалению, мало что смыслю в женской одежде, но уверен: эти вещи получше, чем те, что на тебе.

Марианна ощутила новый прилив раздражения: она тут стоит, продрогшая и голодная, а он... Выхватив у него одежду, она бросила:

– И где я, по-твоему, должна переодеваться? Может, прямо здесь, черт тебя подери?

Филипп указал на густой кустарник неподалеку.

– Вон там. А когда оденешься, закопай свою старую одежду или спрячь где-нибудь.

– Ладно, – проворчала Марианна. – А ты пока подумай, чем набить желудки, иначе далеко мы не уйдем. По-моему, сейчас гораздо важнее поесть, чем одеваться в какое-то идиотское тряпье!

И она с ненавистью взглянула на кипу одежды. Филипп поморщился:

– Марианна, почему ты постоянно ругаешься? Приличные женщины так себя не ведут.

– А кто тебе сказал, что я приличная женщина? – выпалила она.

Вздыхнув, Филипп устало улыбнулся и ласково коснулся ее руки, испугавшись возникшей вдруг между ними холодности:

– Ну как ты не понимаешь! Я вовсе не хочу сказать, что это плохая одежда. Просто она будет неуместно смотреться там, куда мы направляемся. Чарлстон большой город, и люди там одеваются не так, как ты привыкла. По твоей одежде сразу видно, что ты не местная, а мы ведь не хотим привлекать внимание. Ну, теперь поняла?

Марианна кивнула, но тут же упрямо вздернула подбородок.

– Может, я и не знаю, как одеваются и ведут себя всякие там леди, но я вовсе не дура и все понимаю. Я только знаю, что уже умираю с голоду, и если сейчас не набью себе желудок, то не смогу пройти ни шагу.

Филипп засмеялся и выпустил ее руку.

– Ладно, раздобуду тебе что-нибудь поесть. А ты тем временем переоденься. Я скоро вернусь.

– И что-нибудь попить.

– И попить, – кивнул Филипп.

– И где ты собираешься все это раздобыть? – поинтересовалась Марианна.

– Не волнуйся, – усмехнулся Филипп. – Иди в кусты и переодевайся. Об остальном я позабочусь.

Марианна послушно направилась к кустарнику, но тот оказался совсем низеньким, по поя, так что пришлось присесть на корточки.

Тщательно осмотрев то, что раздобыл для нее Филипп, Марианна обнаружила юбку из грубой шерсти серого цвета, жакет с длинными рукавами, нижнюю юбку из хлопка, такие же штаны и блузку.

Ее-то Марианна прежде всего и надела. Мягкая ткань плотно прилегла к телу, и сразу стало теплее. Затем она облачилась в нижнюю юбку и завязала ее на поясе. Юбка оказалась длинной, до самой земли, что очень ей понравилось.

Потом она надела толстую шерстяную юбку и жакет. Если не считать, что юбка волочится по земле, а жакет слишком длинный и чересчур тесный в груди, то в целом вещи сидели не так уж плохо, учитывая обстоятельства, при которых были добыты.

Облачившись, Марианна с сомнением уставилась на штаны, хотя знала, для чего они предназначены. Как-то после кораблекрушения бандиты выловили из моря сундук с одеждой, среди которой обнаружилось и несколько штанов, и мать объяснила, для чего их надевают. Однако на острове никто из женщин нижнего белья не носил, и Марианне оно казалось совершенно ненужным. Но раз уж Филипп украл их для нее, хочешь не хочешь, придется доставить ему удовольствие и надеть.

Здрав юбки, Марианна принялась натягивать на себя этот смешной предмет туалета и тут увидела прорезь между ног. Быстро сообразив, для чего, собственно, она предназначена, она улыбнулась и одобрительно кивнула. Если уж так необходимо носить эти чертовы штаны, то дырка в них явно не помешает. Без нее было бы трудно справлять естественные потребности, особенно когда на тебе такие длинные юбки. Не станешь же каждый раз их снимать!

Завязав тесемки у колен и у пояса, Марианна почувствовала, что на ней надето слишком много всего. Одно хорошо – стало теплее. Собрав старую одежду, она закопала ее, как сказал Филипп.

Едва она закончила, как появился и он. На лице его играла широкая, во весь рот улыбка, а в руках он держал холщовую сумку внушительных размеров, раздувшуюся, несомненно, от добытых припасов.

Остановившись перед Марианной, он горделиво поднял свою добычу высоко вверх.

– Видишь? Я же говорил, что обо всем позабочусь. Сейчас позавтракаем.

Она улыбнулась в ответ. Теперь, когда согрелась и наконец поест, жизнь показалась ей не такой уж и беспросветной. Марианна на миг забыла все страхи, не дававшие ей покоя с тех пор, как они с Филиппом сбежали с острова. Даже Иезекииль Трруг уже не казался ей таким ужасным. Марианна почему-то была уверена, что теперь все будет хорошо.

– А вот и питье, – проговорил Филипп, вытащив из сумки кувшин. – Сидр. Самый лучший напиток, чтобы утолить жажду.

Марианна потянулась к сумке, из которой пахло свежим хлебом.

– Где ты это все раздобыл? Украл?

Филипп расхохотался и сел рядом с ней на землю, прислонившись спиной к дереву.

– Нет, – ответил он. – Я решил, что с меня хватит одной кражи, так что провизию купил.

– Уж лучше бы ты украл цыпленка. Деньги были бы целее, – проворчала Марианна.

Филипп, снова засмеялся и потрепал ее по голове, а она уже взялась за сумку, горя нетерпением увидеть, что там внутри.

– Да, я мог бы, – объяснил Филипп, – но меня могли поймать. Кроме того, цыпленка ведь надо как-то приготовить, а мы сейчас не сможем даже костер разжечь. И я решил не искушать судьбу: если один раз повезло, то в другой обязательно попадешься. Я рассказал хозяйке дома, что мы с женой путешествуем пешком и сильно проголодались и что я готов щедро заплатить за еду. Лишь один раз у нее, по-видимому, возникли какие-то подозрения, потому что она спросила, где моя жена, но я сказал, что ты устала и ждешь меня на дороге. Я был с ней очень вежлив и любезен, и она наконец согласилась продать мне еду и питье для моей несчастной жены, которая к тому же еще и беременна. Это последнее обстоятельство, как мне кажется, окончательно ее убедило. К счастью, она не стала выходить из дому, а потому не заметила, что с веревки исчезло кое-что из ее одежды.

Марианна засмеялась, а Филипп добавил:

– Она даже дала мне бутылку молока для будущей мамы.

Они разложили еду: свежий каравай хлеба с хрустящей корочкой и благоухающий, увесистый ломоть сыра, несколько луковиц, – поставили рядом молоко и сидр.

Марианна жадно отломала по большому куску хлеба и сыра и принялась жевать. Сыр оказался мягким и слегка солоноватым, а хлеб – невероятно вкусным. Ей никогда еще не доводилось пробовать ничего столь же восхитительного.

Филипп последовал ее примеру, и некоторое время в кустах слышалось лишь дружное чавканье. Когда они наконец наелись вволю, Филипп, удовлетворенно вздохнув, лег на траву.

– Ну вот, совсем другое дело. – Он взглянул на Марианну, и лицо его стало серьезным. – Это только начало. Дальше будет еще труднее. Не жалеешь, что пошла со мной?

Марианна покачала головой:

– Если бы я осталась, меня бы сейчас уже не было в живых. Лежала бы на полу в хижине рядом с Джудом.

Марианна вскочила.

– Я никогда и ни за что не вернусь обратно! Ноги моей больше не будет на этом проклятом острове! Ты мне не веришь, я знаю. Думаешь, если я скажу им, что это ты убил Джуда, они меня не тронут. Ошибаешься! Ты не знаешь Иезекииля Труга. Его так просто не проведешь. Он ничего не прощает. Если когда-нибудь он меня найдет, сразу убьет!

– Ну что ты, моя хорошая, успокойся. – Филипп встал и заключил Марианну в объятия, потом приподняв подбородок, и заглянул в глаза. – Прости меня. Я лишь хотел убедиться, что ты не жалеешь о том, что сбежала со мной. Мне бы не хотелось тащить тебя с собой, если ты в чем-то сомневаешься.

– Я ни в чем не сомневаюсь. – Марианна уткнулась ему в плечо. – Я знаю: что бы с нами ни случилось, пусть даже самое плохое, это все равно лучше, чем попасться в руки Иезекииля Труга. Так что назад мне пути нет!

* * *

Они добирались до Чарлстона очень долго, и большую часть пути – пешком. Лишь изредка какой-нибудь сердобольный фермер соглашался подвезти их немного.

Еда у них закончилась на следующий день, и потом они то покупали что-нибудь, то крали – в общем, действовали как придется.

Ночевали они обычно под открытым небом, правда, иногда какой-нибудь добрый человек пускал их в сарай.

Дорога отнимала у Марианны все силы, и вечером она падала без сил: но не унывала, наоборот, была счастлива: Филипп рядом, еда есть, и к тому же увидела столько интересных мест! Чего еще желать? Одно было плохо: по ночам она часто видела один и тот же сон – Филипп убивает Джуда, а потом Иезекииль Троуг расправляется с ней. Когда Марианне снился этот кошмар, она просыпалась от собственного крика и бросалась к Филиппу, пытаясь найти утешение в его объятиях.

Когда они уже почти добрались до Чарлстона, у Филиппа кончились деньги. На последнюю монету он купил в деревенской лавчонке хлеб, мясо и несколько яблок. Они вышли на улицу, и он показал Марианне пустой кошелек. Лицо у него при этом сделалось скорбное.

– Вот и все, малышка. Слава богу, мы почти у цели.

Марианна взяла яблоко, вгрызлась зубами в его твердый розовый бок, потом спросила:

– А что мы будем делать в Чарлстоне? Ты мне об этом никогда не говорил.

Филипп тоже взял яблоко и вытер о рукав.

– У меня там есть один знакомый, корабельный агент. Он когда-то работал у моего отца, и отец оказал ему одну услугу, о которой, надеюсь, он не забыл. Я очень рассчитываю, что в благодарность он поможет нам добраться до Бостона.

Справившись с яблоком, Марианна вытерла рот рукавом.

– Не нужно делать, – стараясь, не обидеть ее, осторожно сказал Филипп. – Испачкаешь рукав.

Марианна пожала плечами:

– И чем мне прикажешь вытирать рот?

– Носовым платком, разумеется, если он у тебя есть, а если нет, листьями или сеном.

Марианна удивленно взглянула на него:

– А зачем, если рукавом гораздо удобнее?

– И тем не менее, – уже более твердым голосом сказал Филипп, – ты должна делать так, как я тебе говорю. Там, куда мы направляемся, порядки совсем не такие, как на твоём острове. И тебе придется многому учиться.

Все эти разговоры, что ей придется чему-то там учиться, действовали на нервы, однако почему бы не доставить Филиппу удовольствие, если ему так хочется.

– Ну ладно, – улыбнулась она. – Я постараюсь исправиться. Правда-правда.

Филипп, глядя в ее темные глаза, окаймленные пушистыми ресницами, уже позабыл, что ей только что втолковывал. Осторожно коснувшись их кончиками пальцев, он спросил:

– У твоей мамы тоже длинные ресницы? И глаза такие же большие?

Марианна, скорчив гримасу, покачала головой:

– Нет. У моей матери глаза блеклые, как море в тумане. И она такая же холодная, как оно.

– Значит, ты похожа на отца. А какой он?

Улыбка Марианны погасла.

– Я не знаю, кто мой отец. Мать никогда мне о нем не говорила. Сказала только, что он моряк из какой-то южной страны. Когда была маленькая, я часто думала о нем, мечтала, что когда-нибудь он приедет ко мне и увезет с острова в дальние страны, где люди всегда

счастливы. – Она горько усмехнулась. – Но он так никогда и не приехал. Так что у меня есть только мать. – И, поспешно сменив тему разговора, спросила: – Филипп, а что мы будем делать в Бостоне?

– У меня там живет тетя, сестра отца. Замечательная женщина! Я отвезу тебя к ней и попрошу сделать из тебя настоящую леди. По-моему, это чудесный план! Ты согласна?

По правде говоря, Марианне этот план совсем не понравился, но Филиппу так хочется сделать из нее леди. Что ж, не стоит его разочаровывать, и она послушно кивнула. В конце концов, что бы там ни произошло, важно только одно: она всегда будет с Филиппом, с этим чудесным молодым человеком, и никто их не разлучит.

Марианна и представить себе не могла, что Чарлстон такой огромный и шумный. Он буквально оглушил ее. Она была девушкой практичной, мечтать о будущем не любила, жила одним днем. А когда этот новый день наступал, всегда знала, как ей поступить в той или иной ситуации. Но такое ей и в страшном сне не могло привидеться! Толпы народа на улицах, бесчисленные повозки, запряженные лошадьми, грохот колес по булыжной мостовой, крики продавцов, высокие красивые здания – все это настолько подействовало на Марианну, что ей захотелось забиться в какую-нибудь норку, закрыть глаза и сидеть так до ночи. А люди! Она и представить себе не могла, что в одном месте может быть столько людей.

Стыдясь признаться, что ей страшно, Марианна крепко-накрепко вцепилась в руку Филиппа. Множество вопросов теснилось у нее в голове, однако она никак не решалась задать их Филиппу, который тоже казался сбитым с толку. Лицо у него было бледным и напряженным. Марианна догадалась, что он думает о предстоящей встрече, и, решив не надоедать, лишь еще теснее прижалась к нему, боясь даже на секунду выпустить его теплую руку.

Много удивительного увидела Марианна в городе, но больше всего ее поразили женщины. Филипп оказался прав, когда говорил ей, что в городе люди ведут себя не так, как на острове, и одеваются совершенно по-другому.

Женщины, на ее взгляд, были одеты великолепно. Облаченные в шикарные наряды, отделанные кружевом и оборками, отчего Марианна казалась себе на их фоне замухрышкой, они проплывали мимо, горделивые, как фрегаты, и грациозные, словно клиперы, а страусиные перья, украшавшие их шляпки, были словно раздуваемые ветром паруса. На Марианну они не обращали ни малейшего внимания, смотрели сквозь нее так, словно ее и не было. Нет, никогда ей не стать такой, как они! Никогда! Неужели Филипп этого не видит?

– Сюда, – внезапно сказал он и повел ее вниз по узенькой улочке, по обеим сторонам которой располагались магазины.

Теперь они находились где-то вблизи пристани: Марианна явственно ощущала запах моря.

Роскошно одетые дамы исчезли, да и одежда мужчин в этом районе не отличалась изяществом. Правда, время от времени еще можно было встретить хорошо одетого мужчину, однако большинство одевались просто, без изыска, и Марианна сразу почувствовала себя увереннее.

Наконец они добрались до цели своего путешествия: огромного деревянного здания, в котором можно было разместиться по меньшей мере половину ее поселка.

– Подожди здесь, – приказал ей Филипп. – Стой у дверей, но если вдруг кто-то начнет к тебе приставать, тотчас же заходи в дом. Я постараюсь не задерживаться. Если повезет, то уже сегодня будем плыть в Бостон.

Марианна рассеянно кивнула, настолько поглощенная новыми впечатлениями, что ей было все равно, уплывут они в Бостон или нет. Она даже не заметила, как он ушел: все смотрела и не могла наглядеться, как мимо идут пешеходы, проезжают красивые экипажи, снуют грязные, оборванные дети, такие же грязные и оборванные, как в родном поселке. И вообще

она обнаружила, что Чарлстон во многом похож на Аутер-Бэнкс: и там и там есть бедняки, только на острове их больше.

Довольная, что пришла к такому выводу, Марианна повернулась к стеклянным двойным дверям здания и заглянула внутрь. Там, в глубине комнаты, она увидела Филиппа. Он разговаривал с высоким сутулым мужчиной, отчаянно при этом жестикулируя.

Марианна отвернулась. На улице уже темнело. Скорее бы уж Филипп закончил свои переговоры. Им ведь еще нужно найти ночлег. А еще было бы очень неплохо, если бы этот его знакомый дал Филиппу хоть немного денег. Тогда они купили бы какой-нибудь еды, а то в животе у нее уже урчит от голода.

Людей на узенькой улочке становилось все меньше и меньше, с моря подул холодный, пронизывающий ветер. Марианна зябко поежилась. Ну почему Филипп так долго?

И едва она успела о нем подумать, как он возник в дверном проеме: лицо мрачнее тучи, руки сжаты в кулаки.

Марианна сразу же поняла, что случилось, и пожала плечами. Другого она и не ожидала. Это Филипп вообразил себе, что его знакомый им поможет. Марианна по опыту знала, что от чужих людей помощи ждать нечего. Помочь могут лишь родные, да и то если захотят.

– Не переживай, Филипп, – проговорила она, ласково касаясь его руки. – Как-нибудь доберемся до Бостона и без его помощи.

Филипп крепко сжал губы: ярость клокотала в нем, грозя выплеснуться наружу.

– Неблагодарная свинья! – Он сглотнул. – Когда этому подонку было совсем худо, мой отец совершенно бескорыстно помог ему. А теперь он и думать забыл об этом!

Марианна взяла его за руку.

– Выбрось это из головы. Мы и сами доберемся до Бостона.

Филипп посмотрел на нее, и взгляд у него смягчился.

– Как ты узнала, что он отказался мне помочь? Ведь я тебе ничего не говорил.

Марианна пожала плечами:

– Так всегда бывает.

– Так всегда бывает, говоришь? Ну ты даешь! Даже не знаю, смеяться мне или плакать. Ведь ты всю свою жизнь прожила на каком-то Богом забытом острове. В некоторых вопросах ты наивна, как маленький ребенок, но иногда ведешь себя так, что кажется, будто ты не юная девушка, а древняя старуха. Ну да ладно, не будем об этом. Ты храбрая, Марианна, и товарищ отличный. Но у нас нет денег, а Бостон далеко, за много миль отсюда, пешком туда не дойти. – Он вздохнул и оглянулся. – Сейчас нам нужно найти ночлег, и побыстрее. Здесь лучше по ночам не ходить.

Они тронулись в путь, и Марианна вскоре поняла, что хотел сказать Филипп своей последней фразой.

Люди на улицах были уже не те, что днем. По двое, по трое, а иногда и больше шествовали, громко хохоча, подвыпившие искатели приключений. Они разительно отличались от тех щеголеватых денди, которыми Марианна восхищалась днем.

Да и женщины, грубо накрашенные, кричаще одетые, были им под стать: с утонченными леди и не сравнить. В отличие от тех великолепных дам, за которыми Марианна с восторгом наблюдала днем, эти особы не проплывали величественно мимо, а, как пиратские корабли, кидались наперерез и смотрели не сдержанно, а, наоборот, бросали по сторонам страстные, призывные взгляды. И многие весьма откровенно поглядывали на Филиппа.

Марианне еще никогда не приходилось видеть уличных женщин, да она и не догадывалась об их существовании, однако тут же почувствовала, что им, собственно, нужно. Она крепко взяла Филиппа за руку и гордо вскинула голову, словно говоря: «Руки прочь! Этот мужчина мой!»

Одна из женщин решительно направилась прямо к ним. Марианна хотела отвернуться, но любопытство взяло верх и она уставилась на странную женщину во все глаза.

Волосы этой особы, блестящие и какого-то странного ярко-желтого цвета, торчали, как проволока, из-под отороченной оборками шляпки блекло-синего оттенка. А у платья такого же синего цвета был настолько глубокий вырез, что казалось – одно неосторожное движение, и пышная белая грудь дамы выпрыгнет наружу. Несмотря на то что уже наступил вечер и заметно похолодало, шаль была приспущена с плеч, чтобы все желающие могли без помех обозреть ее грудь, которая при ближайшем рассмотрении оказалась густо напудренной каким-то белым порошком.

Женщина растянула в улыбке ярко-красные губы, обнажив желтые зубы.

– Как насчет немного покувыркаться в постели, котик? С такого красавчика возьму только полщены.

Она глянула Филиппу прямо в глаза, и Марианна охнуть не успела, как эта наглая дрянь схватила его за ширинку. От ярости и смущения лицо Филиппа пошло багровыми пятнами. Крепко схватив Марианну за руку, он обошел уличную девку и поспешил вверх по улице. А им вслед неся хриплый хохот.

Марианна остановилась.

– Ты что, собираешься ей это спустить? – Она рванула руку. – Дьявол тебя раздери! Ну я ей сейчас покажу!

– Так ее, малышка! – крикнул какой-то прохожий. – Задай этой потаскушке взбучку! Будет знать, как трогать чужое!

– Пошли отсюда! – Филипп потянул Марианну за собой. – Не разговаривай с ними. Только хуже сделаешь.

Но та уперлась так, что с места не сдвинуть.

– Ты выставяешь себя на посмешище, – тихо сказал Филипп. – Ну же, идем!

Все еще польхая от ярости, Марианна неохотно подчинилась. Что же здесь за люди такие? Женщины, жившие на острове, быть может, особой учтивостью не отличались, но никогда не позволяли себе подобного. Да, они могли отпустить непристойную шуточку, большинство из них не возражали, когда мужчины давали волю рукам, но ни разу Марианна не видела, чтобы они так нагло приставали к мужчинам.

Стало уже совсем темно, и на улице зажглись газовые фонари: крошечные островки света в непроглядном море тьмы.

Марианна вздрогнула от страха.

– Филипп, я ужасно устала и хочу есть!

Филипп обнял ее и притянул к себе.

– Знаю, крошка. Скоро мы найдем какой-нибудь ночлег. А вот где достать еду, ума не приложу.

В этом месте улица была совсем пустынна, а газовые фонари стояли далеко друг от друга и почти ничего не освещали. Дверные проемы чернели, словно распахнутые рты, и Марианна поймала себя на том, что пристально глядится в них.

Они уже дошли до переулка, как вдруг впереди раздался какой-то шорох. У Марианны от страха волосы встали дыбом.

– Филипп! – испуганно прошептала она, но он и сам уже почувствовал неладное.

– Беги, Марианна!

Поздно! Из переулка выскочили двое. Марианна почувствовала, как ее бесцеремонно схватили за руки и чья-то шершавая рука принялась проворно шарить по ее телу, услышала сдавленный возглас Филиппа, который отчаянно боролся с напавшим на него грабителем.

Глава 5

– У этого нет ни пенса! А у твоего? – послышался хриплый голос.

Говорил тот, что держал Филиппа.

Над головой у Марианны раздался голос его напарника, а сам он тем временем продолжал обыскивать ее.

– Здесь тоже нечем поживиться. Вот невезуха! Поймали каких-то нищих бродяг! Одно хорошо, Рэд. – Над самым ухом у Марианны противно захохотали: ни дать ни взять лошадиное ржание. – Тот, кого я держу, баба, да такая аппетитная, что дух захватывает. Сейчас повеселимся вволю.

– Вот повезло так повезло! Я уж давненько ни с кем не забавлялся, так что эта бабенка досталась нам вовремя, – прохрипел первый. – Вот только вырублю ее дружка, чтобы не путался под ногами.

– Нет! – отчаянно закричала Марианна. – Не трогайте его.

Тот, которого звали Рэд, расхохотался:

– Не беспокойся, детка, мы его не до смерти.

Марианна вырывалась как бешеная, звала на помощь. Грабитель уже поднял дубинку, чтобы обрушить ее на голову Филиппа, но в этот миг в переулке прозвучал грозный, воинственный крик, от которого мороз пошел по коже.

Державший ее вор испуганно вздрогнул.

– Боже правый! Что это?

Внезапно откуда ни возьмись появился еще один мужчина. Стояла кромешная тьма, хоть глаз выколи, но Марианне удалось его разглядеть. Он оказался такой высокий и широкоплечий, что заслонил собой весь переулок.

Она почувствовала, что ее отпустили, причем так резко, что она упала и ударилась о стену дома, а высокий незнакомец между тем бросился в драку, раздавая удары направо и налево. Пытаясь встать на ноги, Марианна неожиданно коснулась чьей-то руки и в страхе отшатнулась.

– Не бойся, это я, – послышался голос Филиппа.

И вот она уже в его объятиях. Они жмутся друг к другу, словно двое потерявшихся детей, а рядом бушует неистовая схватка.

В темноте Марианна почти ничего не видела, однако по доносившимся звукам – крикам, проклятиям, ударам и раскатистому смеху пришедшего к ним на выручку незнакомца – не трудно было представить себе ход событий. Вскоре стало ясно, что их широкоплечий спаситель с помощью своей тяжелой трости взял над двумя негодьями верх. Он награждал их точными сильными ударами до тех пор, пока незадачливые грабители не сдались и не припустили по переулку прочь, жалобно скуля.

– Бегите, бегите! В следующий раз будете знать, как грабить прохожих! – пророкотал низкий голос, и смутно различимая во мраке фигура незнакомца приблизилась вплотную к Марианне и Филиппу.

Чиркнула спичка, и вспыхнувший огонек выхватил из темноты лицо и плечи высокого широкоплечего мужчины в форме капитана дальнего плавания.

Марианна взглянула ему в лицо: высокие скулы, крупный нос, резко очерченный улыбающийся рот, пронизательные глаза. У незнакомца оказались густые темные волосы, выбивавшиеся из-под капитанской фуражки. Улыбка его стала еще шире, и внезапно Марианна совершенно перестала его бояться.

– Ну и кто тут у меня? – заполнил тишину узенького темного переулка веселый голос. – Ага! Двое испуганных ребятишек. Что, интересно мне знать, такие невинные младенцы делают в столь непотребном месте да еще поздним вечером?

Марианна почувствовала, как Филипп задрожал от негодования и выпрямился во весь рост.

– Позвольте принести вам глубочайшую благодарность за вашу помощь, сэр, – проговорил он сухо, – но я часто бывал прежде в таких местах и всегда умел сам постоять за себя. Я не настолько молод, как может показаться.

Спичка потухла, и капитан зажег другую. Марианна заметила, что в глазах его пляшут веселые искорки.

– Ну конечно, сэр! Прошу простить, если я случайно вас обидел. – Он внимательно взглянул на Марианну. – Уверен, если бы вы не были заняты тем, что отважно защищали эту юную леди, вы бы и сами могли выпутаться из того затруднительного положения, в которое попали.

Марианна бросила взгляд на Филиппа: плотно сжатые губы, упрямо вздернутый подбородок. Она отлично понимала – он ни за что не справился бы с этими двумя мерзавцами, даже если бы ему и не нужно было вставать на ее защиту. Так почему честно в этом не признаться, и дело с концом? Все мужчины такие: самолюбивые, тщеславные, упрямые, что прямо злость берет. Марианна видела, как Филиппа уязвило вмешательство совершенно постороннего мужчины, но видела также и то, что по сравнению с ним Филипп просто мальчик. Ну так и чего огород городить? Ведь их только что спасли от верной смерти, а если повезет, еще и накормят. Главное, не упустить случай.

И она решила действовать.

– Мы пришли сюда по делу, сэр. Филипп встречался с человеком, который должен был нам помочь добраться до Бостона на своем корабле, но он отказал, и теперь нам негде переночевать и не на что купить еду.

И она умоляюще взглянула на незнакомца, поскольку по опыту знала, что, хотя люди в большинстве своем жестоки и думают только о себе, девочке – но отнюдь не мальчику! – иногда удается жалобными либо льстивыми речами смягчить сердца взрослых мужчин и добиться от них того, что ей нужно.

Марианна неплохо научилась этому искусству на острове, и там это всегда действовало безотказно.

В этот миг вторая спичка погасла, и Марианна не увидела, клюнул он на ее приманку или нет. Но тут послышался громкий голос незнакомца:

– Ну а я как раз шел немного перекусить, и буду просто счастлив, если вы составите мне компанию. За мясным пирогом и кружкой эля мы могли бы подробно обсудить ваши неприятности, и кто знает, быть может, вместе найдем какое-нибудь решение. Вы согласны?

– Да, спасибо, – сказала Марианна.

– Нет, спасибо, – сказал Филипп.

Марианна чертыхнулась про себя и, со всей силы пнув Филиппа ногой, проговорила:

– Мы с радостью составим вам компанию, сэр.

– Отлично! А можно поинтересоваться, кого я имею честь пригласить на ужин?

– Меня зовут Марианна Харпер.

– Филипп Котрайт, к вашим услугам, сэр, – холодно произнес ее спутник.

– Счастлив с вами познакомиться. А меня зовут Адам Стрит. Я капитан «Викинг Куин», самого замечательного китобойного судна во всем Саг-Харборе. А теперь приглашаю вас в таверну «Морская уточка». Только должен предупредить вас, ребята, место это названию своему не вполне соответствует. Однако еда там вкусная, а позже, в восемь часов, будет петь такая дива! Взглянешь на нее – и сердце радуется. Ну, пошли.

И он двинулся вперед, помахивая своей увесистой тростью, а Марианна и Филипп шли за ним следом, отчаянно переругиваясь шепотом.

– Мы понятия не имеем, что он за человек, – шептал ей на ухо Филипп. – Глупо так слепо доверять ему!

– Неужели ты не видишь, что он не причинит нам зла? Ведь он же нас спас! Черт бы тебя побрал, Филипп, как еще ты надеешься получить еду?

– Очень хорошо, но если с нами что-то случится, потом не плачь! Сама будешь во всем виновата!

Таверна «Морская уточка», расположенная у самой кромки воды, оказалась маленьким шумным заведением. В воздухе плавал густой табачный дым и вкусно пахло жареным мясом. В узком зале народу уже набилось, как сельдей в бочке, однако хозяин таверны, который, похоже, хорошо знал капитана Стрита, нашел для новоприбывших свободный столик в самом углу.

Когда Марианна усаживалась за стол, взгляд ее упал на отполированную до блеска палку цвета слоновой кости, толстую и гладкую, сыгравшую решающую роль в их спасении.

– Никогда в жизни не видела такой палки, – произнесла она с любопытством. – Она ведь не из дерева, да?

Горделиво улыбаясь, капитан Стрит взял палку и взмахнул ею. Глаза у него посветлели и стали пронзительно-синими.

– Эта штука сделана из китового уса. В Саг-Харборе есть один умелец, настоящий мастер своего дела. Он-то и изготовил для меня эту трость из уса первого добытого мной кита. Она сослужила мне хорошую службу во многих портах мира.

Он бережно положил палку на стол и, обернувшись к официантке, заказал мясной пирог, эль и булочки, а Марианна тем временем внимательно разглядывала его.

Он был красив, этот капитан Стрит. На вид чуть больше тридцати, для капитана китобойного судна маловато, однако в человеке этом ощущалась такая уверенность в себе, что не возникало никаких сомнений, что это дело ему по плечу.

Видимо, почувствовав на себе ее взгляд, капитан Стрит обернулся в ее сторону, и Марианна, быстро отвернувшись, принялась разглядывать посетителей таверны. Все они, похоже, моряки, однако время от времени взгляд Марианны выхватывал из толпы грубо размалеванных женщин, которых совсем недавно ей довелось лицезреть на улице. Но теперь они ее не пугали. Рядом с этим могучим капитаном никто не страшен, даже Иезекииль Трорг. Впервые она думала о главаре мародеров без страха.

Улыбнувшись, она сжала Филиппу руку и прошептала:

– Вот видишь, все идет отлично.

Филипп нахмурился, однако руку свою отнимать не стал.

В этот момент к столу подошла девушка с подносом, на котором источал умопомрачительные запахи мясной пирог и возвышались три внушительных размеров кружки с элем. Она поставила все это на стол вместе с горячими сладкими булочками и, пожелав честной компании приятного аппетита, удалилась.

Марианне не нужно было повторять дважды. Она отхватила ножом огромный кусок пирога и положила к себе на тарелку, забрызгав при этом жиром весь стол. Схватив сразу две булочки, она приступила к трапезе, краешком глаза заметив, что капитан смотрит на нее, удивленно вскинув брови, а Филипп сделался пунцовым от смущения. Марианну, однако, это не смутило. К черту хорошие манеры, когда так хочется есть! Небось, если бы капитан Стрит поголодал денька два, тоже не очень-то церемонился.

– После вас, капитан, – вежливо проговорил Филипп, одаривая Марианну яростным взглядом, но она лишь пожала плечами и запихнула в рот еще один кусок.

– Ну что вы! – улыбнулся капитан Стрит. – Сначала вы, сэр. Ведь вы мой гость.

Марианна взглянула на Филиппа: тот не спеша, словно никакой голод его и не мучит, отрезал себе кусок пирога, – и подумала:

«Ерунда какая-то! Ведь ему так же хочется есть, как и мне. Так зачем притворяться? Нет, не поймешь все-таки этих мужчин».

После того как Филипп с капитаном положили себе на тарелки еду, за столом воцарилось молчание. Разговор возобновился лишь после того, как тарелка из-под мясного пирога была до блеска вытерта последней корочкой хлеба, а девушка принесла еще одну порцию эля.

Марианна наелась, согрелась, а от выпитого эля у нее немного кружилась голова. Изюм всех сил стараясь не уснуть, она вслушивалась в беседу, которую вели капитан Стрит и Филипп.

Вообще-то поболтать она любила и при других обстоятельствах непременно встряла бы в разговор, но сейчас ей было так хорошо, что хотелось одного: чтобы ее не трогали. И она, не прерывая Филиппа, слушала рассказ о его приключениях на Аутер-Бэнкс и о тех событиях, которые привели их обоих в Чарлстон, ехидно отметив при этом про себя, что от былой его враждебности к капитану не осталось и следа. Теперь мужчины вели себя как старые приятели, а вернее, братья – старший и младший.

А вот когда капитан принялся рассказывать о себе, Марианна наострила ушки. Из его слов выходило, что его корабль зашел в Чарлстон на ремонт, после чего должен вернуться в родной город Саг-Харбор, что на Лонг-Айленде. А до того капитан охотился на китов, причем настолько успешно, что теперь довольно долго может жить припеваючи. С чем Филипп совершенно искренне и поздравил капитана.

– Да, госпожа Удача была на сей раз ко мне благосклонна, – улыбнулся Адам Стрит. – И потому думаю, я ей кое-что должен.

– Что вы хотите этим сказать? – произнес Филипп, несколько невнятно выговаривая слова, из чего Марианна заключила, что и он порядочно опьянел.

– Видите ли, Филипп, я считаю, что, когда судьба благоволит к человеку, он обязан ее отблагодарить. Проще говоря, он оказывается у нее в долгу. Именно поэтому мне хотелось бы что-нибудь для вас сделать. А посему предлагаю вам бесплатный проезд на «Викинг Куин» до Бостона. Что вы на это скажете?

Марианна с надеждой взглянула на Филиппа. Тот молчал, уставившись в свою кружку с элем.

– Что ж, считаю, с вашей стороны это необыкновенно щедрый подарок. Необыкновенно щедрый и великодушный. А еще я думаю, что нам несказанно повезло встретиться с вами на улице. Мы принимаем ваше предложение, сэр.

– Вот и молодец! – выкрикнул Адам Стрит, хлопнув Филиппа по плечу с такой силой, что тот чуть не свалился со стула.

– Ремонтные работы на корабле закончатся самое позднее послезавтра, – продолжал Адам, – после чего мы отправимся в путь. А пока приглашаю вас погостить на борту «Викинг Куин». – Он улыбнулся Марианне. – Как вы находите такое предложение, мадам?

Марианна счастливо улыбнулась и, соскользнув со стула, упала на покрытый опилками пол. Она не слышала, как расхохотались мужчины, не чувствовала, как ее подняли и бережно уложили на скамью, а самое главное – не услышала конец разговора. Вот почему она не узнала, что Филипп сказал капитану, что с удовольствием примет его предложение пожить в каюте «Викинг Куин» до отплытия, но сам в Бостон не поедет – Марианна отправится туда одна.

Марианну разбудило какое-то равномерное покачивание и скрип. Несколько секунд она никак не могла сообразить, где находится, но потом вспомнила и заулыбалась. Все будет хорошо. Даже не хорошо, а просто отлично! Добрый капитан, который вчера пришел к ним на выручку, доведет их до Бостона, где они поселятся у тетушки Филиппа и где Иезекииль Троуг уже никогда их не найдет.

Марианна протянула руку, чтобы коснуться Филиппа, однако его рядом с ней не оказалось. На мгновение ее охватила паника: где он? А вдруг он тоже уснул там, в таверне, и капитан Стрит только одну ее взял с собой на борт? Но тут взгляд ее упал на вторую подушку, а рядом лежало смятое одеяло. Значит, Филипп все-таки был здесь, просто уже проснулся и встал.

Марианна соскочила с двупальной койки на пол и поежилась: пол оказался холодным и влажным. Она разыскала таз, сняла с матросского сундучка кувшин с теплой, как парное молоко, водой. Рядом лежало чистое льняное полотенце и кусок мыла. Марианна умылась и тщательно причесалась: Филипп будет доволен, если она произведет благоприятное впечатление. Когда решила, что большего эффекта достичь уже не удастся, она поднялась по лестнице, которая вывела ее прямо на палубу.

Там витал какой-то странный и довольно неприятный запах. Он, словно пелена, окутал весь корабль. Повсюду сновали люди. Все они были заняты каким-то делом, а вот каким, Марианна, как ни старалась, не могла догадаться. Она ощутила на себе многочисленные любопытные взгляды. Видно было, что присутствие женщины на корабле всех взбудоражило, и тем не менее команда ни на миг не прекратила своего занятия. Пройдя по всей палубе, от начала до конца, Марианна наткнулась наконец на Филиппа и капитана Стрита. Они внимательно наблюдали, как на левый борт ставили заплату.

При свете дня капитан Адам Стрит являл собой еще более внушительное зрелище, чем ночью. Огромный и сильный, он возвышался над Филиппом, как могучий дуб над молоденьким тополем. А Марианна почувствовала себя просто тоненьким прутиком, который он может сломать двумя пальцами. Слава богу, человек этот к ним благоволит: в гневе он, должно быть, страшен. Она вспомнила тот грозный вопль, с которым капитан Стрит бросился в драку.

Поздоровавшись, Марианна спросила:

– Капитан, а что такое вы вчера крикнули?

Филипп в недоумении уставился на нее, однако капитан Стрит, догадавшись, о чем она спрашивает, громко, от всей души расхохотался.

– Этому крику я научился у аборигенов в Австралии, детка, – с трудом отдышавшись, ответил он наконец.

Марианна одобрительно кивнула:

– Знатный вопль! Эти два поганца чуть в штаны не наделали от страха! Как пить дать!

Адам опять расхохотался, однако Филиппу было не до смеха.

– Марианна! Ты не должна так ругаться! – яростно прошептал он. – Настоящая леди никогда не позволит себе таких выражений, особенно на людях.

Марианна кивнула, полскольку радужное настроение, в котором пребывала, не позволяло обижаться на Филиппа. Кроме того, ей хотелось ему угодить. Если леди так не выражаются, а он хочет, чтобы она стала настоящей леди, что ж, она приложит все силы к тому, чтобы говорить так, как он желает.

– Я постараюсь, обещаю.

– А знаешь, детка, в тебе что-то есть, – проговорил Адам и, подхватив Марианну под мышки, поставил на широкие перила, чтобы можно было смотреть ей в лицо, не сгибаясь в три погибели. – Сколько же тебе лет, девочка?

– Шестнадцать, – ответила она, несколько оробев от неожиданности.

Адам Стрит с сомнением оглядел ее с ног до головы.

– Хм... Я бы дал тебе меньше.

– Она очень маленькая, – вмешался Филипп, – потому и выглядит моложе своих лет.

– Что ж, думаю, в Бостоне тебе понравится. Ни капли в этом не сомневаюсь. – Он улыбнулся и пощекотал Марианну под подбородком, словно ребенка. – Там много красивых магазинов и театров. Бостон – город большой. Ты там будешь счастлива. Филипп мне сказал, что его тетя сделает из тебя настоящую леди. Только я не уверен, что это пойдет тебе на пользу, – смеясь, добавил он.

Марианна улыбнулась, хотя не совсем поняла, почему он это говорит. Кроме того, она ненавидела, когда с ней обращались так, словно ей пять лет, а уж вся эта болтовня о том, что из нее сделают настоящую леди, и вовсе выводила из себя.

Наклонившись к Филиппу, она ухватилась за его руку, чтобы не упасть, и многозначительно, как ей самой показалось, проговорила:

– Да, мы будем очень счастливы в Бостоне.

Она заметила, как Адам Стрит вопросительно взглянул на Филиппа, и тот, закусив губу, потупил взгляд. Марианну охватило недоброе предчувствие.

– Нам всегда хорошо вместе, где бы мы ни были, – продолжила она храбро, почувствовав, как на нее надвигается что-то очень страшное, непоправимое.

– Ты ей еще не сказал? – спросил Адам Филиппа.

Тот покачал головой, и Марианна еще сильнее вцепилась в его руку.

– Не сказал что? Филипп, дьявол тебя побери, да отвечай же, не молчи! Что случилось? Ну-ка говорите оба!

Адам опять бросил на Филиппа вопросительный взгляд и, коснувшись фуражки, проговорил:

– Ну, мне пора. Дела. А тебе, парень, советую все объяснить юной леди. Увидимся позже, за завтраком.

Как только Адам Стрит отошел подальше и уже не смог их слышать, Марианна соскочила с перил и напустилась на Филиппа:

– О чем это он говорил? Что имел в виду? О чем ты мне не сказал?

Филипп, побледнев, поднял руку, пытаясь остановить гневный поток слов, и смущенно проговорил:

– Я собирался тебе сказать, как раз сегодня собирался. Единственное, почему не сделал этого раньше, так это потому, что боялся расстроить.

Марианна вцепилась в него и принялась трясти.

– Ну так говори! Что ты медлишь? Только честно.

Филипп осторожно освободился из ее хватки и взял за руки.

– Марианна, – проговорил он со вздохом. – Я не поеду с тобой в Бостон. Вспомни, я ведь ни разу и словом не обмолвился, что собираюсь туда. Ты просто считала само собой разумеющимся, что мы отправимся туда вместе.

Марианна не верила своим ушам.

– И не потому, что я не хочу, малышка, – продолжал Филипп. – Ты же знаешь, как я тебя люблю. Но у меня есть одно дело. На могиле своего отца я поклялся довести его до конца. Понимаешь?

Марианна сердито замотала головой.

– Нет, черт тебя побери, не понимаю! Я думала, что ты поедешь со мной, что мы будем вместе! Я думала... – Из глаз ее хлынули слезы.

Филипп прижал Марианну к себе, ласково глядя ее густые волосы.

– Марианна, мы будем вместе. После того как я выполню свою клятву. Обещаю тебе, это произойдет очень скоро. Время летит быстро, ты и оглянуться не успеешь, как я вернусь. А пока ты будешь учиться. Тебе еще многое предстоит узнать и освоить. Очень скоро ты забудешь свою жизнь на Аутер-Бэнкс, будешь ее как дурной сон.

– Ты меня бросаешь, потому что я не настоящая леди! Потому что я неграмотная и не умею прилично себя вести!

Марианна попыталась вырваться из его объятий, однако Филипп с силой, которой трудно было от него ожидать, удержал ее. Когда она немного успокоилась и перестала вырываться, он тихонько сказал:

– Это неправда, малышка, и ты это знаешь. Верно, я хочу сделать из тебя настоящую леди, но для тебя самой. – И он, ухватив ее за подбородок и заглянув в глаза, шутливо добавил: – И может случиться так, что, когда станешь настоящей леди, я тебе стану уже не нужен и ты меня бросишь.

– Я тебя никогда не брошу! Никогда! – яростно выпалила Марианна, опустив голову, она уткнулась лицом ему в грудь.

Сердце ее словно окаменело, и она чувствовала себя маленькой и беспомощной. Несмотря на то что страстно любила Филиппа, она не верила ни в его обещания, ни в то, что он вернется к ней. Ну как так можно! После всего, что между ними было, после всей нежности и страсти вот так взять и уехать! Уму непостижимо!

– Не уезжай! – взмолилась она. – Не уезжай, останься! Ведь ты был счастлив со мной! Или... или ты меня уже разлюбил?

Лицо Филиппа исказилось от боли, и он опять привлек ее к груди.

– Любимая, прошу тебя, не говори так! Я люблю тебя, и ты это знаешь. Но ты должна понять, что, если мужчина дал себе клятву, то непременно должен довести задуманное до конца, иначе его постоянно будут мучить угрызения совести. Мне нужно уехать, и ты не должна этому препятствовать, а если попытаешься, то лишь причинишь мне боль.

Марианна зарыдала так отчаянно, что все ее маленькое тело содрогнулось, и, вырвавшись, бросилась в каюту, где провела ночь.

Рухнув на койку, она забилась под покрывало, словно пытаясь спрятаться сама и спрятать свою боль от равнодушных людских глаз. Все кончено! И любовь и радость, что она испытала с Филиппом, ушли и никогда к ней больше не вернутся. Как же она его ненавидит! Ненавидит за то, что он с ней так поступил! Оказывается, он ничуть не лучше Джуда. Пусть он выглядит и говорит по-другому, пусть даже ласков и нежен с ней, однако боль способен причинить такую же, если не сильнее. Ведь Джуд ей никогда ничего не обещал, так что и выполнять ему было нечего; не приносил ей никакой радости, так что нечему было превращаться в горькое разочарование; не возносил ее, до небес, чтобы потом в один прекрасный момент сбросить вниз, на землю.

Пока она плакала, Филипп вошел в каюту и, сев на краешек кровати, стал тихим шепотом успокаивать ее, заверяя, что обязательно вернется, вернется к ней, Марианне, что непременно будет писать ей при всяком удобном случае.

Наконец рыдания стихли, но не потому, что Марианна поверила его обещаниям, а оттого, что слез больше не осталось. А Филипп все гладил ее по голове, говоря всякие нежные слова, пока Марианна не провалилась в глубокий сон, от которого очнулась лишь вечером.

Филиппа рядом не было. Она поняла, что он покинул корабль. Забрал с собой свои вещи и ушел, даже не попрощавшись. Лишь два письма в белых конвертах лежали на матросском сундучке.

Одно письмо предназначалось ей, а другое – его тетушке, которая жила в Бостоне.

Марианне было неловко признаваться, что она неграмотна, однако так не терпелось узнать, о чем Филипп пишет ей, что, отбросив всякое смущение, она обратилась к капитану за помощью.

Адам Смит прочитал:

«Дорогая Марианна!

Я хотел остаться с тобой до утра и дожждаться, когда корабль покинет гавань, но, поскольку весть о моем отъезде так сильно тебя огорчила, решил этого не делать. Быть может, так тебе будет легче примириться со сложившимися обстоятельствами. Знай, что я люблю тебя и обязательно к тебе вернусь, когда покончу со своими делами. Пожалуйста, верь мне. Я знаю, тебе сейчас одиноко и ты чувствуешь себя брошенной, но моя дорогая тетушка – добрая женщина: не сомневаюсь, что вы с ней прекрасно поладите. Капитан

Стрит тоже хороший человек и присмотрит за тобой по дороге в Бостон. Береги себя, малышка, и не забывай меня.

Искренне твой, Филипп Котрайт».

Когда Адам дочитал письмо до конца, Марианна тихонько заплакала. Ну почему Филипп уехал? Они потеряли целую ночь! Впрочем, сама виновата. Рыдала, вопила, обвиняла его во всех смертных грехах, вот и получила: сама, собственными руками выпихнула его с корабля. А теперь может случиться так, что она его больше никогда не увидит! Что, если он погибнет до того, как завершит это свое дурацкое дело? И все из-за нее! К горю и печали теперь добавилось острое чувство вины, и Марианна заревела в три ручья. Адам неловко погладил ее по плечу и ласково проговорил:

– Ну же, успокойся, детка, не надо плакать. Все будет хорошо. Филипп вернется к тебе, вот увидишь.

Внезапно Марианна ощутила непреодолимое желание кого-то ударить, хлестнуть словами, как перчаткой, чтобы кому-то стало так же больно, как ей. И почему это он постоянно называет ее «детка»?

– Никакая я не детка! – взорвалась она. – Я уже целый год спала с мужчиной, с Джудом Троугом! А потом с Филиппом. Ну что, будете и теперь обращаться со мной как с ребенком?

Адам Стрит отпрянул и окинул Марианну странным, оценивающим взглядом. Ей показалось, что он неприятно поражен. Она сразу же испытала одновременно и облегчение, и еще большую тяжесть.

– Прости, – медленно проговорил он. – Я не хотел тебя обидеть. Похоже, ты и вправду не ребенок, что очень печально, хотя сама ты, видимо, считаешь иначе. Ну да ладно. Единственное, чего мне хочется, так это чтобы ты видела во мне друга... Мы отчаливаем завтра рано утром: Если ты хочешь уйти с корабля, что ж, дело твое: я тебя не держу, – однако я бы очень тебе советовал поехать в Бостон, как хотел Филипп. Больше я об этом говорить не буду, а ты подумай пока над моими словами.

Коротко кивнув, Адам повернулся, слегка пригнулся, чтобы не удариться о косяк, и вышел из каюты.

Марианна проводила его гневно пылающим взглядом. Слез уже не было. Остались лишь боль, злость и стыд. Стыд оттого, что она так грубо разговаривала с капитаном. Бросившись на койку, она принялась молотить матрац кулаками, и молотила до тех пор, пока у нее не заболели костяшки пальцев.

Глава 6

Когда китобойное судно «Викинг Куин» отплывало из Чарлстона, Марианна по-прежнему была на борту.

Хотя отправляться в Бостон ей вовсе не хотелось, она не знала, куда еще идти. Без Филиппа она чувствовала себя одинокой и всеми покинутой. Но хуже всего оказалось то, что Марианна ощущала себя совершенно беспомощной, чего с ней прежде еще никогда не бывало.

Как ни убога была ее прежняя жизнь – а Марианна только сейчас начала это понимать, – она всегда знала, что будет завтра, и умела за себя постоять. Не то, что сейчас. Сейчас она неожиданно-негаданно попала в другой мир, где игра шла по другим правилам, и никто их ей не объяснил. А корабль и капитан Адам Стрит предоставляли ей хоть какой-то якорь в этом незнакомом и пугающем мире, простиравшемся за пределами Аутер-Бэнкс.

В первый день после отплытия море было бурным, и, сидя в каюте, Марианна тряслась от страха. Качка на море стояла сильная, нос огромного корабля то вздымался вверх, то нырял вниз, и ощущение оказалось не из приятных.

Адам зашел к ней рано утром, посоветовал носа не высовывать из каюты: погода, вопреки ожиданиям, была отвратительной и продолжала ухудшаться – и предложил расположиться поудобнее, пообещав вечером с ней поужинать.

Эти его слова впервые натолкнули Марианну на мысль, что капитан предоставил им с Филиппом свою собственную каюту, и она в первый раз внимательно оглядела ее.

Помимо широкой двуспальной койки, здесь стоял длинный обеденный стол, а вокруг него четыре простых стула с низкими спинками, огромный матросский сундук, конторка орехового дерева и уютное кресло с подставкой для ног. Недоумевая, как это мебель остается на своих местах, а не катается по полу, когда корабль раскачивается из стороны в сторону, Марианна внимательно осмотрела все предметы и поняла, что каждый из них крепко-накрепко прикручен к полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.